
ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
95 лет
со дня рождения
Владимира Ильича
ЛЕНИНА

Рисунок П. Пинкисевича.

БЕССМЕРТНОЕ СЛОВО

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Рассказ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 16 (1973)

18 АПРЕЛЯ 1965

Кузьма Веревкин, прозванный в деревне Последним по той причине, что изба его стояла на самом краю, у леса, объявил жене, что едет в город добывать граммофон.

Прасковья охнула, схватилась за щеки, опустилась на лавку.

— Ба-атюшки! Сказился, проклятый. В избе шаром покати, детишки босы-голы, а он что удумал.— И вдруг заголосила: — Не да-ам!..

«Не дам» относилось к тому пуду муки, который, оторвав от хозяйства, Прасковья собиралась выменять на мануфактуру.

Махнув рукой, Кузьма вышел во двор, разъезжаясь лаптями по раскисшей земле, пошел к конюшне — запрягать. Прасковья выскочила на крыльцо, завопила дурным голосом.

— Детей хоть бы пожалел малых! — Но тут же перешла к практическим соображениям: — Звягинцевы на пуд муки кровать выменяли, с шишками. Прохор Кусков гардероб цельный привез, жене Лизавете трюму зеркальную поставил. Да за пуд городские что хошь отдадут. А он — нако-ся, граммофон. Не да-ам!

Она бросилась к Кузьме, выезжавшему со двора, вцепилась в мешок.

Кузьма — чего раньше никогда не делал — толкнул жену и, не оглядываясь, стал нахлестывать кобылу.

«Сказилась баба,— думал он по дороге.— Трюму ей подавай. Что она с трюмой делать станет? Разве что к поросенку в хлев поставит».

В Воронеже Кузьма первым делом заехал к однополчанину, который недавно привез из Москвы пластинку — и не с какой-нибудь там музыкой, а с речью. Да какой речью! Из-за нее взволновалась, ходуном ходила вся крестьянская Россия.

Бережно завернув пластинку в тряпицу, Кузьма прямым ходом направился на базар. Базар — не в пример прежним временам — гудел, шумел, клокотал, от возов, лошадей, людей было не протолкаться. По случаю начавшегося нэпа мужики открыли кое-какую торговлишку, хотя больше ходили, принюхивались, присматривались — осторожничали. Воронежские обыватели потащили на базар всякое барахло. В одном месте Кузьма заметил и резные гардеробы, и обширнейшие кровати, и даже трюмо, бросавшее в толпу солнечные зайчики. Были тут и граммофоны. Кузьма выбрал самый большой, самый фасонистый, с розовой трубой раструбом, с белой собачкой, нарисованной на боку. Сторговались быстро, и Кузьма, лишь на минуту испытав жалость, передал владельцу, похожему на крысу — должно быть, из бывших судейских,— мешок с мукой. Судейский показал, как обращаться с машинкой, покрутил ручку, поставил свою пластинку. По базару покатились круглые «Хо-хо-хо!» да «Ха-ха-ха!» знаменитых клоунов Бима и Бома.

— Слышь, поставь-ка мою,— попросил Кузьма, разворачивая тряпицу, в которой хранилась пластинка.

И вот закрутился блестящий черный диск,

коснулась его игла, что-то зашипело, и вдруг чей-то голос произнес:

— О продовольственном налоге или продналоге.

Тотчас несколько человек, стоявших поблизости, обернулись, с удивлением посмотрели на граммофон.

А голос — теперь уже другой, отчетливый и чуть картавящий — продолжал:

— Продовольственная разверстка заменена продналогом. Издан об этом декрет ВСЕЦИКом. Во исполнение декрета Совнарком опубликовал уже закон о продналоге. Все советские учреждения обязаны теперь ознакомить крестьян как можно шире с законом о продналоге и объяснить его значение.

Базар бросил торговать. Мужики, работая локтями, со всех сторон стали проталкиваться к граммофону, отмахиваясь от баб, которые, ну ничегошеньки не понимая в происходящем, тянули мужей к пленившему их воображение барахлу.

— Почему была необходима замена разверстки продналогом? — продолжал голос.

И тут стоявшие впереди заорали:

— Стой! Это кто же такой гуторит? Ленин? Врешь! Пущай с начала. А ну, ти-ха!

— Ти-ша!.. Ти-ша!..— покатилось по базару.— Сам Ильич говорить будет.

И постепенно над базаром воцарилась необычная тишина. Затаив дыхание, слушали крестьяне речь Ленина. Только в одном месте, когда Ленин сказал: «В первую голову надо поднять и укрепить, улучшить крестьянское хозяйство»,— кто-то восторженно выдохнул:

— Верна-а!

Пластинка кончилась, но мужики потребовали повторить. Ее ставили еще и еще, пока Кузьма не снял ее окончательно и стал бережно заворачивать.

Тут подошел к нему высокий мужик, спросил:

— Сколь просишь?

— Не продается,— ответил Кузьма.

— Два пуда возьмешь? Три? Эй, слышь, поросенка в придачу дам. Тьфу, дурья голова!— Мужик сорвал шапку, бросил о земь.— Жеребенка отдам, двухлеток, как за дитем малым ходил. Бери, твой! Ну?

К этому небывалому торгу — за одну только пластинку коня — с полным пониманием и интересом к исходу дела прислушивалась толпа. И когда Кузьма, ни на мгновение не поколебавшись, отказался и от коня, толпа одобрительно ахнула, а кто-то в окончательном уже восторге подбросил вверх шапку.

К себе в деревню Кузьма вернулся уже затемно. Прасковья, пока муж распрягал, еще загодя принялась голосить.

— Уймись, дура! — крикнул Кузьма, входя в избу.— Стол вытри, да чище!

Вид у Кузьмы был такой строгий и непривычно торжественный, что Прасковья умолкла на полуслове. Кузьма бережно поставил на стол граммофон, подкрутил пружину и осторожно, задержав дыхание, опустил на пластинку иглу.

Сперва пластинка зашипела, потом голос, негромкий и чуть картавый, снова сказал: «Продовольственная разверстка заменена продналогом». И вот в избе крестьянина Кузьмы Веревкина, темной оттого, что давно не было керосина, заговорил Ленин. И оттого, что было темно, Кузьме казалось, что это сам Ильич стоит рядом и говорит с ним, говорит...

— Кузя,— шепнула жена.— Неужто сам Ильич? — И чего давно уже не бывало, подвинулась к мужу, положила голову на плечо.

Когда пластинка остановилась, кто-то под окном восхищенно выдохнул:

— Вот это да-а!..

Тотчас в избу стали набиваться мужики, и пластинку пустили вновь. Весть о граммофоне, который передает речь самого Владимира Ильича Ленина, моментально облетела проснувшуюся деревню. Кто-то принес керосину, и Прасковья зажгла большую лампу под потолком. Кто-то сунул Прасковье каравай хлеба, кто-то будто невзначай положил на полку шматок сала.

Речь Ленина слушали всю ночь. Утром крестьянский сход постановил собрать Кузьме Веревкину, как малоимущему и постаравшемуся для общества, десять пудов хлеба.

Слушали Ленина почти каждый день. Приезжали крестьяне из ближних, потом из дальних сел.

Владимир Ильич Ленин перед звукозаписывающим аппаратом.

Пластинка постепенно истерлась, голос Ленина охрип, будто устал Ильич целые дни твердить народу одно и то же. Тогда решено было заводить граммофон только по праздникам.

Прошли годы. Давно забыли крестьяне о продразверстке и нэпе, даже о подлых кулацких выстрелах, прогремевших однажды у последней избы, у леса, и уложивших наповал первого председателя колхоза «Ильич» Кузьму Веревкина. Но все так же по большим праздникам собирались вокруг граммофона старики и молодые, мужики, бабы, детишки и в благоговейной тишине слушали почти уже не слышную речь Владимира Ильича.

Отгремела война над Доном, и на следующий же день после освобождения села, из тайной ямы на огороде, близ того места, где когда-то стоял последний дом, извлекли старый, с поржавевшей трубой граммофон. И снова, как в далекие годы, зазвучал теперь совсем уже охрипший, но все так же чуть картавящий голос Ильича.

Граммофон цел и сейчас, труба его заново выкрашена в розовый цвет. И хотя есть в доме и телевизор, и радио, и не какой-нибудь, а электропатефон, старомодный граммофон занимает среди них почетное место. Его заводят раз в год, в день рождения Владимира Ильича. Устанавливается торжественная тишина, и только тогда кто-нибудь из самых уважаемых стариков осторожно опускает иголку на черный и сильно потускневший диск. Раздается тихое шипение, потом голос, очень далекий, но все так же слегка картавящий, убежденно произносит: «Продовольственная разверстка заменена продналогом». Больше ничего нельзя разобрать. Но все равно пластинку слушают до конца.

ПОСЛАНЦЫ МОНГОЛИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и правительства СССР Советский Союз с официальным дружеским визитом посетила партийно-правительственная делегация Монгольской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателем Совета Министров МНР Юмжагийном Цеденбалом.

Посланцы Монгольской Народной Республики нанесли визиты Первому секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

13 апреля в Кремле состоялись переговоры руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства с партийно-правительственной делегацией Монгольской Народной Республики.

Посланцы МНР встретились с представителями Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Монгольских гостей тепло приветствовали председатель президиума союза Н. В. Попова и председатель правления Общества советско-монгольской дружбы Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

На снимках:
Москва. Кремль. Перед началом переговоров.
Н. В. Попова вручает Ю. Цеденбалу памятный подарок.

Фото А. Устинова.
А. Гостева.

НА СВИДАНИЕ СО ЗВЕЗДАМИ

А. ГОЛИКОВ

За окном тихая улица Звездного городка, где живут космонавты, а дальше сосновый лес. За лесом аэродром. Оттуда, приглушенный расстоянием, доносится мощный гул реактивных двигателей. Он как бы аккомпанирует рассказу Павла Беляева и Алексея Леонова о том, как они готовились к полету, что чувствовали, выполняя его.

— Прежде всего о физической подготовке, которая пока для космонавтов совершенно необходима,— говорит Беляев.— Вот Алеше Леонову все физические упражнения давались легко. Он и до учебного центра космонавтов был отличным спортсменом, мускулистым, сильным. А какая у него емкость легких! До сих пор помню, как на медосмотре он всем на зависть выдул на спирометре пять тысяч семьсот кубических сантиметров.

Мне пришлось тяжелее: здоровье было отличное, а мышцы брюшного пресса и рук слабоваты. На динамометре выжимал правой рукой только 50 килограммов, а левой — 48. Леша, тот жал 76 и 72. А главное, мой организм не умел быстро приспосабливаться к физическим нагрузкам. Тренировки недоставало. Первый раз побежал на среднюю дистанцию и быстро устал. Пульс — 112 ударов в минуту, давление поднялось. И после бега пульс несколько минут не успокаивался.

Вот за меня и взялись врачи, инструкторы по физической подготовке. Гимнастика, баскетбол, волейбол, хоккей. Потом к этому добавились легкая атлетика, плавание, прыжки в воду. Я обрел силу, выносливость. Перестал быстро утомляться. После физических нагрузок пульс и давление никогда больше существенно не изменялись. Так было и в космическом полете.

— А как проходили специальные тренировки?

— Проходили, как у нас говорят, нормально. Скажем, после занятия в термокамере врачи пришли к заключению, что «организмы обоих космонавтов хорошо справляются с накапливанием тепла». Конечно, при высоких температурах у нас и пульс учащался и давление повышалось. У меня немного больше, чем у Леши. Зато в весе я потерял 700 граммов, а он почти вдвое больше — 1 350.

Также и на центрифуге. Перегрузки создавались такие же, какие возникают в реальном полете при выходе на орбиту и при спуске. Эта тренировка хорошая и создает у космонавтов достаточный «запас прочности». При выходе на орбиту, испытывая значительные перегрузки, мы с Леоновым пробовали работать, и это вполне удалось. Полагаю, что в случае необходимости космонавты смогут заменить действия автоматики на всем маршруте полета.

— Ну, а невесомость? Когда у вас произошла с ней первая встреча?

— Официальная, — улыбается Леонов,— при полете на двухместном истребителе, когда приступали к тренировкам в учебном центре. На старте я волновался. А оказалось, что невесомость — ощущение знакомое. Каждый летчик-истребитель с ней встречался при выполнении высшего пилотажа. Но тут я действовал по программе. Проверил, легко ли дышать, попробовал попасть карандашом в гнездо прибора — все получалось.

— Действительно,— подтверждает Беляев,— для летчиков невесомость — старая знакомая. Я тоже в первом полете выполнял различные упражнения, а на последней «горке» достал дозиметр — прибор, замеряющий усилие, и три раза нажал рукоятку. Мы вырабатывали точность усилий в состоянии невесомости. Рычаг управления корабля рассчитан на усилие 750 граммов. С такой силой и следовало нажимать дозиметр. Перед полетом я показал на приборе 700 граммов, а во время первой невесомости — тысячу граммов. Но уже в следующем полете я эту неточность исправил.

Вырабатывали мы у себя и рефлекс определения времени — 20

ЗДЕСЬ БУДЕТ ТАК...

В ближайшем будущем здесь будет так: вагон подвесной канатной дороги вознесет вас на Иверскую гору, вы осмотрите древнейшую Анакопийскую цитадель, полюбуетесь видом на море и Новый Афон с его кипарисами и серебристыми масличными рощами. Та же канатка спустит вас по другую сторону горы, и тут начнется самая увлекательная часть путешествия.

Вагон, теперь уже наземной канатной дороги, промчится по наклонной штольне в глубь горы. Несколько минут — и вы в подземном царстве, в сверкании таинственных холодных озер, каменных драпировок... Выйдете вы из этой сказки через тоннель прямо к морю.

А пока, чтобы все это было сделано быстро и удобно, сюда спустилась большая комплексная экспедиция института «Грузгипрогорстрой». 46 часов непрерывно шел спуск в пропасть на веревках и веревочных лестницах, от уступа к уступу по извилистым трещинам, образованным в теле горы. Экспедицию вели молодые ученые — спелеологи Института географии имени Вахушти Академии наук Грузинской ССР З. Тантилозов, А. Окроджанишвили и Ш. Кипиани. Они уже побывали здесь в 1961 году и являются первооткрывателями этого, самого грандиозного на территории Советского Союза, пещерного образования. Теперь они привели сюда архитекторов, топографов, маркшейдеров.

Подробные обследования и обмеры показали, что многоярусная Анакопийская пропасть в Абхазии, в районе Нового Афона,— редчайшее явление природы. На полтора километра тянутся здесь пещеры. Семь залов. Высота иной раз достигает 80 метров. Три озера...

Девять дней провела экспедиция под землей. Девять дней тянул по сырым пещерам электрокабель и аппаратуру кинооператор Энрико Гермесашвили. Он поднял на поверхность интереснейшую пленку, которая составит фильм о необыкновенной, безмолвной жизни земных глубин. Один из кадров пленки вы видите на этой странице.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

12 апреля — День космонавтики. Для всех покорителей космоса это особенно большой праздник, а для Валерия Быковского был праздник вдвойне: в этот день у него родился сын Сергей. Вес новорожденного — 3 килограмма 700 граммов, рост — 51 сантиметр.

На фотографии — Валентина Михайловна Быковская с Сережей. Мать и сын чувствуют себя отлично.

Фото В. Черединцева (ТАСС).

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

На Красной площади встретилась группа людей. Обнялись, расцеловались. Многие не видели друг друга двадцать лет...

Это случилось в мае сорок пятого. Гитлеровский рейх бился в агонии. Гиммлер отдал приказ: ни один из узников концлагерей не должен попасть живым в руки союзников. Из концлагеря Нойенгамме, близ Гамбурга, семь тысяч заключенных разных национальностей вывезли в Любекскую бухту, посадили на суда. 3 мая эти суда были затоплены. Спаслись немногие. «Огонек» рассказал об их судьбе в очерке Генриха Гуркова «Человек с «Кап Аркона». В редакцию пришли письма со всех концов Советского Союза, из ГДР, ФРГ, Франции, Польши, Югославии, Норвегии и других стран. Писали люди, спасшиеся с кораблей смерти.

Бывшие заключенные нацистских концлагерей, сегодня врачи, рабочие, моряки, художники, инженеры, встретились в Москве. Они поклялись: сделать все, чтобы не допустить ужасов прошлого, остановить войну и фашизм, обеспечить мир грядущим поколениям.

На снимке: Встреча на Красной площади бывших узников кораблей смерти.

Фото Б. Кузьмина.

секунд. После тренировки на земле я определил заданное время с ошибкой на 0,2 секунды, а в состоянии невесомости — на 0,6. Новыми в нашей подготовке к полету были упражнения, связанные с выходом из корабля в космическое пространство. Каждое движение мы отрабатывали по многу раз. Казалось, все было продумано, предусмотрено, и тем не менее в полете я лично как командир корабля столкнулся с неожиданным затруднением.

Правда, это затруднение было, так сказать, психологического плана, но произошло в самый ответственный момент. В назначенное время мы приготовились к эксперименту, запросили разрешение Земли. Нам дают «Добро». Леша надевает ранец с кислородным баллоном, я выравниваю давление в шлюзовой камере и в корабле, открываю люк в шлюз. Подаю команду, и Леша в этот люк лезет. Но цепляется ранец. Так иногда бывало у нас на тренировках. Скафандр хоть в общем удобен, но движение несколько стесняет. И я на тренировках всегда помогал Леше. И тут я поступаю так же. Подталкиваю его, он вошел в люк, а у меня сердце екнуло: своими руками друга из корабля выталкиваю черт-те куда. Хоть все и предусмотрено... И что бы я тогда не отдал, чтобы с ним поменяться местами! Но программа рассчитана по минутам, и на эмоции время не отводится. Закрываю за Лешей люк. И уже весь целиком сосредоточиваюсь на выполнении задания.

Все идет, как по маслу, все действует отлично. Стравливаю давление в шлюзовой камере и открываю выходной люк. Теперь Алеша буквально в преддверии Вселенной, готовый переступить ее порог. И ему не терпится сделать это, но я не разрешаю: нельзя нарушать программы. Леша еще раз повторяет просьбу. Я опять говорю «нет», а сам с нетерпением слежу за секундной стрелкой. Но вот пора!

В телевизор я вижу Лешу, вижу, как он выходит из люка. Передо мной на приборной доске вспыхивают и гаснут лампочки в такт ударов Лешиного сердца. В те первые секунды я смотрел на них не отрываясь. Лампочки мигали, может быть, слишком часто, но ритмично, без перебоев. Да и мое сердце, видимо, билось в ускоренном темпе: нельзя осуществлять первый в мире выход человека из корабля в космическое пространство и сохранять спокойствие. Ведь еще ни один житель нашей планеты не выходил вот так, как Алеша, на свидание со звездами.

Но тогда я, конечно, не думал о величии момента. Важно было, что сердце у Алеши билось нормально. А через мгновение он доложил, что чувствует себя хорошо, ну, да теперь его голос из космоса слышали миллионы людей. Не знаю, как для тех, кто на земле сидел у телевизоров, а для меня десять минут Алешиной «прогулки» показались вечностью.

— О величии момента я тоже не думал,— улыбается Леонов.— Дружеская рука командира втолкнула меня в шлюзовую камеру, и я уже весь был поглощен предстоящим. Почему я торопился и командиру приходилось меня удерживать? К выходу в космос я давно готовился. Это стало целью моей жизни, и когда до ее исполнения оставались секунды, трудно было ждать.

А когда вышел на обрез люка, то почувствовал... Впрочем, очень трудно рассказать, что я чувствовал в тот момент. Уж очень все было необычным. Небо какой-то мохнатой черноты, отдающей в зелень. У Куинджи на картинах есть такие тона. А все, освещенное солнцем, нестерпимо яркое. Я смотрел через очень сильный светофильтр, и впечатление было солнечного, южного дня. И, конечно, самым необычным в этом космическом мире был я сам. Как потом кто-то пошутил: «Русский Иван гуляет во Вселенной».

Но прежде чем отправиться на «прогулку», «русский Иван», крепко держась за обрез люка, осторожно оглядывался вокруг. Потом я оторвал от обреза правую руку, смотрю, ничего, все нормально, оторвал левую.

— Почему вы говорите «оторвал»? Разве руку что-нибудь удерживало? — спрашиваю я.

— Так у нас принято говорить. А потом... К полету нас очень хорошо подготовили. Все, что я встречал при выходе из космического корабля, все мои ощущения были точно такими, какими они представлялись на земле, вроде нового ничего, все нормально. Но мысль, что ты вот так, без корабля, словно ангел небесный, мчишься вокруг земного шара со страшной скоростью, не укладывалась в сознании, то есть разуму было понятно, что тут все по науке, нет никакого чуда, нет и большой опасности, но в глубине души, видимо, бродили какие-то сомнения, и они тормозили действия. Чтобы оторвать руку от обреза, мне пришлось сделать определенное волевое усилие, точно так же, как первый раз отделиться от корабля и отплыть от него на длину фала. Но это быстро прошло и сменилось чувством какого-то радостного возбуждения. Второй раз я отплыл от корабля уже без всяких сомнений и по собственной инициативе. И десять минут пролетели незаметно.

— А как вы себя чувствовали при спуске корабля?

— Известно, что у всех космонавтов перед спуском учащался пульс,— отвечает Беляев.— Это называется реакцией готовности к спуску и связано это, видимо, с нарастанием нервно-эмоциональных напряжений, с чувством ответственности перед сложным заключительным этапом полета. Так было и с первым космическим экипажем. Раньше чем у других, на четырнадцатом витке участился пульс у командира экипажа В. Комарова и позднее всех у Б. Егорова — в конце шестнадцатого витка. Мы, вероятно, не составляем исключения, тем более что спуск на ручном управлении осуществлялся впервые. С другой стороны, необходимость действовать быстро и абсолютно точно не позволяла нам отвлекаться, не разрешала излишнего волнения. При спуске мы действовали спокойно и выполнили мягкую посадку в полутораметровый снег.

Анатолий Филиппович Зазимко.

рами. Дом культуры великолепен, но в нем пусто и стыло, как в ином музее. Тогда и решили на правлении раскошелиться. Купили инструменты для духового оркестра, бильярд. Сам Анатолий — боксер, он думает и о спортивных секциях. А может, все-таки обидно, когда тебе частушки посвящают?..

— Надо с бухгалтером сегодня посоветоваться и к Первомаю купить участникам самодеятельности костюмы. Пусть ребята чувствуют: колхоз купил, что и они колхозные! — как о деле решенном сказал председатель.

Цифры доходов показывают, чем оборачивается строительство душевых и покупка детских костюмчиков. Хозрасчетом начинает болеть не только председатель, но и люди в бригадах. Механизаторы, звеньевые. К председателю на парниках подошел водовоз и сказал:

— У меня еще ячмень не получен, шестьдесят килограммов за тот год. И еще кукуруза... Нехай колхозу остается. До осени. Мне пока не к спеху, а на фермах зерно всегда нужно. Сейчас удои важны, а потом трава пойдет. А мне осенью отдадите...

Как делают ве

Николай БЫКОВ

Фото Д. Ухтомского.

Проклюнуло на востоке солнце. И сразу опустилась в долины ночная синева, смешалась с низкими туманами. Молчат обнаженные сады, сиреневые на восходе. За ними клубится лиловая, широко всхолмленная пашня, а рядом лежит темная, будто чернилами залитая, озимь. Через сады и пашни петляют белые, еще непыльные реки дорог. Наконец лопнул солнечный бутон, и родился день. Горбат близкий горизонт. На самой его кромке, на голубом экране утреннего неба показались медленные пáры розовых волов. Казалось, время остановилось и теперь всегда будет утро. Утро и волы. Но вот их обгоняют такие же розовые, только очень шумные и нетерпеливые тракторы с тележками, с навесными орудиями. Следом мчат автомашины с виноградарями. Моторы, моторы. Они заглушают неумолчного жаворонка, теснят с дороги медленных волов, ускоряют бег времени.

...Молдавия. Колхоз имени XX партсъезда. По сырым от росы черепичным крышам катится петушиная перекличка. Весна!..

Кстати, весну на селе не ждут— делают. Люди выходят на работу вместе с солнцем. Они примечают, как отогревается пласт земли, как поднимаются листья пробудившейся озими. Это работа солнца. И люди торопятся пробороновать пашню и озимую пшеницу, торопятся обрезать и подвязать лозу, готовят поля под кукурузу. О самой весне почти ни слова. Да и что зря говорить? Весна обещала быть ранней. Еще в начале марта отгремели первые громы, ливнем обрушилась первая гроза. Ждали тепла. Но дули переменчивые ветры. Вот и сегодня — снег сквозь солнце, а все в поле, на виноградниках, в садах. Знают: тепло придет.

На поле второй бригады — высоко, на самом переломе взгорья,— стоит темный крест. Вокруг пашня. И ничего больше, только крест на ровном месте.

— Говорят, помещика здесь стукнули,— отозвался шофер.— Батраки убили. Видать, насолил...

И никакой легенды — быль, история. Скоро забудут люди, отчего тут крестовина трухлявится, потом заденут ее плугом, и сгниет она, смешается с землей. Те батраки тоже делали весну.

Председатель колхоза Анатолий Филиппович Зазимко о помещике ничего не знает, он приехал сюда после института, ему всего двадцать шесть. Анатолий Филиппович в поле знакомит меня с бригадиром второй бригады Андреем Каструбиным и с намеком замечает:

— Сорок первый год рождения! Я же говорил, что у нас комсомольско-молодежный колхоз!

То, что большинство механизаторов и специалистов молоды, чувствуешь и на заседании колхозного парткома, и в саду, и на бригадных станах: больше смелости, какой-то личной заинтересованности во всех делах, когда энтузиазм — понятие вовсе не абстрактное.

Председателю не терпится все показать, точнее, похвастаться людьми, их делами. Строится четырехрядный коровник. «Полностью механизировали». Розовые поросята уплетают кукурузную поросль. «Гидропоника, витамины. Свиней четыре тысячи, они у нас прибыльные». Потом на комбикормовый завод. Скоро пуск. Механик при нас опробовал какие-то сложные агрегаты. Анатолий Филиппович пробирается по лесам, на ходу вводит в курс дела:

— Чувствуете, мы решения мартовского Пленума во всеоружии встретили. Излишки зерна теперь наши, не придется ходить с протянутой рукой за комбикормами. А выигрыш в цене? Тройной! Вот молочко-то и будет дешевое. А то ведь одни убытки... Ну, я год всего председателем, а как другие терпели?..

Завод строить — дело нешуточное. Типовых проектов нет. Колхозные строители изобретают на ходу. Монтаж всей этой премудрости без подрядчика — дело для них почти непосильное. Но пока вот так.

И председатель молча проходит мимо механической мастерской, в которой пока довольно просторно, потому что купить колхозу нужные станки нет никакой возможности.

— Ну да ладно, будет нам и белка, будет и станок! — смеется Анатолий.

Мы поднимаемся по лестнице большого, строгой архитектуры здания. Общежитие молодых животноводов. Комнаты, душевые, кинозал.

— Мало им кино, так попросили телевизор купить. Купили. Для людей не жалко. А то все фермы, фермы строили...

И тут же председатель рассказал, как в ответ на озорные частушки, которые посыпались под его окном сразу же после высокого избрания, он задумался о молодежи села. Нет, не частушки обидны, а то, что заняться ребятам и девушкам нечем вече-

— Отдадим,— сказал председатель.

— Я верю,— улыбнулся водовоз, пошел к своим волам и запел: «Ой ты, зима морозная, ноченька яснозвездная». На парниках особенно припекало солнце. Солнце дробилось в стеклах приподнятых рам, тонуло в зелени табачной рассады. «Вьется дорога длинная...» Человек верит своему колхозу. Другой совсем расчет нынче. Верит, и это очень важно.

Считает и заместитель бухгалтера Рая Прозоровская. В прошлом году колхозу не зачли 65 тонн молока, как будто его и не надоили, и лишь потому, что жирность его была на одну десятую процента ниже назначенной сверху. Теперь расчет иной — по фактической жирности!

Но все-таки больше всех расчетами занят Анатолий Зазимко, председатель. Мы взбираемся крутой дорогой, все выше и выше. Почти обрывистый склон делит земли колхоза надвое. Эти склоны первыми начинают зеленеть.

— И первыми выгорают,— говорит председатель.— Полторы тысячи гектаров. Неудобь. А нам и на нее верстают план. Раньше, может, и незаметно было, а теперь хозрасчет кричит. И меня кричать заставляет: нужна экономическая оценка земли! Нельзя говорить о земле вообще, это безграмотно. А допустим, мы бы взяли здесь по тонне травы с гектара, это значит полсотни лишних тонн мяса! Но они, эти живописные горы, ничего не дают, не могут дать...

Я видел: всюду, где склоны более или менее пологи, посажены сады. Неудобь лежит нелепым балластом на хозрасчете. Время глянуть на колхозные кар-

ты землепользования взглядом подлинных хозяев. Самое время, потому что мясо, как и хлеб, надо брать с земли, а не с потолка. Председатель между делом рассказал, как ему, тогда еще начинающему зоотехнику колхоза, навязывали так называемый «первый рубеж». Уполномоченный на фермы не поехал, скота не видел, а сел за арифмометр и начал жать: давай, чтобы 80 центнеров мяса на сто га было! Но как ни жми, больше 49 центнеров не получалось. «А когда же рубеж возьмете?» Отвечал молодой зоотехник: «Года через три...» Но и сейчас еще ой как много несделанного. Кормов не оставляли, а из арифмометра они не выскакивают — не цифры...

Специализация в условиях хозрасчета — тема будущей диссертации Анатолия Зазимко, аспиранта Академии наук Молдавской ССР. О внутрихозяйственной специализации он может говорить в дороге, в поле, на ферме, снова в поле и уже за полночь дома, за компотом. Кое-какой опыт в колхозе имени XX партсъезда уже есть. Если бы показатели механизированного звена Никифора Шолопы стали средними по всему

колхозу, то одно это дало бы 122 250 рублей прибыли. Все равно что прибавилось бы в артели новых двести человек! Себестоимость подсолнечника в другом звене на два рубля ниже, чем в среднем по колхозу. Звеньевой — тот же колхозник, свой брат-работяга, но он же ведет и учет, начисляет заработок. А раз ты сам хозяин, то и отношение к делу другое. Председатель подытожил уж совсем научно:

— Звено — основная, материально ответственная и материально заинтересованная производственная единица.

Ставка на науку и вековой крестьянский опыт.

В этом он прав.

...Сады сейчас еще насквозь проглядываются. Стоят несчетные ряды яблонь в белых чулочках. Междурядьями пробираются тракторы с опрыскивателями. Бьют сильные желто-зеленые струи, высоко поднимается цветное облако. Стоят сады. Ждут тепла.

Председатель вернулся из Кишинева радостный: достал жмых. А главное — тонну семян люцерны. Это на сто гектаров хватит! Будет люцерна — будет молоко, оно нынче в цене... Война с травами дорого обошлась не только животноводам. Анатолий шагает разделанной пашней, улыбается: он достал...

Я почувствовал, что этот еще совсем молодой человек необыкновенно счастлив тем, что вот шагает он полем, хозяин, что дует ему в лицо ветер, что он с утра до ночи среди работящих людей. Мне вообще кажется, что агроном или зоотехник, которому не доверяют, теряет свою «кондицию», профессиональное достоинство. А люди, пытавшиеся командовать специалистами, потеряли вкус к работе на земле. Председатель обернулся, подождал меня, сказал:

— Сегодня встретил в городе однокашника. Поговорили, как и что. Он остался при институте. Никак не выберет тему для кандидатской, мучается. Я посочувствовал ему, он — мне. Такой он, знаете, мальчишка еще, желторотый. Сколько лет — ничуть не возмужал. Наивно обо всем судит, оторванно от действительности... А я похож на студента?

Вопрос был смешной, но очень естественный для Анатолия Филипповича, человека порывистого, непосредственного. Конечно, со стороны он похож на студента — не бледным ликом (загар у председателя будь здоров!), а чем-то неуловимо современным, типичным для нынешней молодежи, какой-то раскованностью и свободой суждений. Его интересуют сотни проблем. Главная, как мне показалось,— личное отношение специалиста к делу, к долгу. Вот он председателем избран, он голова. Но значит ли это, что он один всему судья, что его решение последнее? А другие специалисты? Их в колхозе семнадцать, есть и с высшим образованием, в основном его сверстники. Но многие из них работают не по возрасту робко, по старинке, как-то уклоняются от самостоятельного решения, боятся лично ответить за производство.

— На мартовском Пленуме как говорили? — горячится Анатолий.— Специалист не советчик — организатор! Широкая инициатива, умение взвесить все плюсы-минусы — вот что требуется. А они все ко мне да ко мне. Я отучаю! Правильно делаю, как вы думаете?..

Он еще долго говорил об утерянной смелости, о нетворческом подходе к проблемам земли:

— Посудите сами. Новый принцип планирования и закупок — это же какая ответственность! Я подсчитал. Мы получим только от повышения цен дополнительно почти сто пятьдесят тысяч рублей! Но это чисто механическая прибавка, она, считай, уже в кармане. А теперь весь смысл в том, чтобы продать государству как можно больше сверхплановой продукции! Знать, верить в это — и работать.

...Люди сейчас с поля возвращаются поздно. Когда солнце уходит с неба. На закате длинные движущиеся тени пересекают дорогу и придорожные деревья. По светлой кромке горизонта плывут силуэты машин, тракторов, людей. Женщины с виноградников, механизаторы с пашен, строители с новостроек. Возвращаются люди в село. Над ними загораются звезды, впереди их ждут огни. Давно не слышно птиц. Только далеко где-то звенит девичий голос. Потом и он смолк. И наступает тишина, и постепенно заливает ночь всю землю щедрой синевой. Люди и солнце засыпают, они устали. Я теперь знаю, как делают весну.

Заместитель главного бухгалтера Рая Прозоровская.

Стоят яблоньки в белых чулочках

ДОБРЫЙ ДОКТОР КИСЛОРОД

Известно, как плохо отражается на нашем здоровье недостаток кислорода. Чем же помочь человеку, испытывающему кислородное голодание?

Киевский ученый, действительный член Академии медицинских наук СССР Николай Николаевич Сиротинин решил найти наиболее рациональный и эффективный способ пополнения человеческого организма кислородом. На протяжении года он изучал влияние фруктовой воды, газированной кислородом, на людей, страдающих кислородной недостаточностью. Напиток оказался весьма полезным. Принимая его, больной не только вдыхает кислород легкими. Вместе с пеной фруктовой воды газ попадает непосредственно в желудок и кишечник... Ученый предложил газировать напиток в открытом сосуде и кормить больного образовавшейся пеной.

Горячими сторонниками нового метода оказались сотрудники института клинической медицины имени Н. Д. Стражеско доктор медицинских наук Н. С. Заноздра и младший научный сотрудник Д. А. Нужный. Они усовершенствовали предложение Н. Н. Сиротинина и начали широко применять его на практике.

Оказалось, что кислород — чудесный и добрый доктор. «Кислородное питание» весьма полезно для лечения язвы желудка, некоторых заболеваний кишечника, печени.

Пенящуюся смесь изготовляют из настойки шиповника, бессмертника, фруктового сиропа и яичного белка. Вкусно и полезно.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

ШТУРМОВИКИ УРОЖАЯ

Командир самолета Борис Алеев (справа) и пилот Юрий Денисов перед вылетом.

Фото М. Савина.

Весна прилетела к воронежцам на крыльях сельскохозяйственной авиации. Еще задолго до того, как выехали в степь механизаторы и задымили полевые кухни, появились в селах ребята в голубых куртках с кокардами на фуражках.

— Где правление колхоза?

А в правлении:

— Можно видеть агронома?

Бывало иначе. Летчики еще не успели сделать физзарядку в доме приезжих, а у крыльца уже клаксонит председательская машина.

— Все готово. Прошу на аэродром!

Аэродром — это слишком громко. Посадочно-взлетная площадка — точнее. А зачастую — узенькая полоска сыроватой еще луговины или кряжевой земли, где нужно угнездиться и взять старт.

На двух «АН-2» прилетели в колхоз «Красная нива» Виктор Коновалов и Ким Штемпель. Только начали вычерчивать рейс за рейсом, звонок из Калача:

— Ждет колхоз имени Свердлова!

Пришлось друзьям расставаться.

Пятьдесят вылетов в день совершают Алексей Галкин и Владимир Буденов. Хлебородный рейс длится 4—5 минут. За это время силу азота набирают 10—15 гектаров. Загрузка баков — томительные минуты ожидания. Но за день успевают напитать 400—450 гектаров.

Над воронежскими просторами кружат самолеты «АН-2» и «ЯК-20». Они подкармливают озимую пшеницу минеральными удобрениями. Предпочтение отдается «витаминам роста» — аммиачной селитре и сульфату аммония. Как учит наука и подтверждает практика, добрая доза подкормки дает прибавку урожая на 3—4 центнера. Вот и взвесь рейс: 45 центнеров пшеницы!

С южных окраин Придонья фронт подкормки быстро переместился на север, к лесостепной Рамони. Маленькие самолеты на войне называли «кукурузниками», а в мирное время — «штурмовиками».

Штурмовики урожая!

За две с половиной недели в области подкормлено около 400 тысяч гектаров озимых. В планшеты сельских авиаторов заложены карты летних маршрутов.

А. КОЗЬМИН

Агрессия, ничем не прикрытое стремление утвердить свое хозяйничанье в чужой стране — вот что представляют собой действия Соединенных Штатов в Индокитае. Снова и снова вторгаются американские самолеты со смертоносным грузом в пределы Демократической Республики Вьетнам. Все новые контингенты вооруженных сил США высаживаются на землю Южного Вьетнама, чтобы стрелять, убивать, жечь, травить газами. На снимке слева — буддийский храм, разрушенный американской бомбой в провинции На Тинь, в ДРВ. Летчики США не разбирают целей. Против всего живого, против крестьян, женщин, детей ведут войну вооруженные наемники под командованием американцев в Южном Вьетнаме. Так, как изображено на верхнем снимке. Под аккомпанемент бомб и автоматных очередей кощунственно звучат слова американских политических деятелей, рассуждающих о мире во Вьетнаме. Лицемерием не скрыть варварства!

Действия американских агрессоров получили достойный отпор в небе над ДРВ. Не один десяток американских стервятников, пылая, врезался в землю. Не сломлена воля к борьбе у патриотов Южного Вьетнама, которые продолжают сражаться за свободу своей родины.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТАРТЕ

Макс ЭЙВЕ,
экс-чемпион мира

Итак, начался турнир претендентов, который на этот раз впервые проводится в форме матчей. Это исключительно интересный эксперимент, который, по-видимому, с одобрением будет воспринят многими любителями шахмат. В матче каждый участник — хозяин своей судьбы, ничья не может ухудшить его шансы в целом. И все же трудно сейчас взвесить все «за» и «против» этого эксперимента. Ясно лишь одно: пока остался в проигрыше экс-чемпион мира Ботвинник. Гроссмейстер Доннер пишет в статье «Ботвинник прав», опубликованной в одной из голландских газет, что экс-чемпион мира отказался от участия в кандидатских матчах потому, что его лишили привилегии матч-реванша, и потому, что изменилась форма проведения турнира претендентов.

Хотя я часто встречался с Ботвинником во время его недавнего пребывания в Голландии и беседовал с ним, я не касался указанной темы, но так или иначе отсутствие Ботвинника причинило неизмеримый ущерб предстоящим матчам. Экс-чемпион мира после своего проигрыша Петросяну в 1963 году

Протесты против варварских действий американской военщины в Южном Вьетнаме, против бесчеловечных бомбардировок мирной земли ДРВ, против всей агрессивной политики США в Индокитае ширятся во всем мире. На снимке — демонстрация жителей Франкфурта-на-Майне с требованием прекратить грязную войну во Вьетнаме. Западногерманские власти не потерпели «оскорбления» своего заокеанского союзника: тридцать демонстрантов было арестовано.

Несколько раз содрогалась земля в центральном и западном районах Греции. Землетрясение вызвало жертвы, разрушены дома. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин направил премьер-министру Греции Г. Папандреу соболезнование в связи с постигшим греческий народ стихийным бедствием.

В Токио подписано соглашение о рыболовстве между Японией и Советским Союзом.

В таком ящике по традиции хранился проект бюджета Англии на 1965—1966 год. После 1951 года лейбористская партия впервые составляла бюджет. Для него даже был изготовлен новый ящик. Министр финансов Англии Джеймс Каллагэн, который изображен на снимке, заявил в связи с этим, что «новый ящик символизирует новую эру». Но вот ящик был открыт, и оказалось, что лейбористское правительство сохранило в своем проекте такие же высокие военные расходы и предусмотрело повышение налогов на товары широкого потребления, ведущее к снижению покупательной способности у населения. Что же касается налогов на капитал, то в этом случае правительство предпочло быть весьма деликатным. Англичане с недоумением задают себе вопрос: «Что же «нового» в наступившей эре?»

Сто двадцать пять дней провел французский спелеолог Антуан Сеньи в пещере в Приморских Альпах без связи с внешним миром. Этот опыт был поставлен французскими учеными для проверки состояния человека в условиях полной изоляции. В начале апреля Сеньи вышел на поверхность. Сообщается, что исследователь здоров.

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Квик».

обрел блестящую форму и в последние годы добился ряда больших успехов. Свою последнюю победу Ботвинник одержал всего два месяца назад в турнире памяти Нотебоома в Нордвийке (Голландия).

От Ботвинника в турнире претендентов можно было с полным основанием ожидать высших достижений. Согласно Доннеру, Ботвинник высказался следующим образом: «Чтобы вернуть назад титул чемпиона, я должен был бы сыграть более 50 партий. Где же найти тогда время для моей работы по специальности?»

Вместо Ботвинника матч против Смыслова будет играть Геллер. Я не отваживаюсь на прогнозы. Несколько лет назад Геллер в матче на звание чемпиона СССР сумел победить своего соперника со счетом 4:3 — одна победа и шесть ничьих. Результат этот сейчас уже «с бородой» и, конечно, не дает оснований для каких-либо выводов. Тревожит лишь одно: обилие ничьих. Имеется опасность того, что матчевые поединки превратятся в перетягивание каната. Этим я не хочу сказать что-либо плохое о боевом духе участников. Геллер, Спасский и Таль — нападающие экстра-класса!

Будем, однако, надеяться на лучшее. От датчанина Ларсена можно скорее всего ожидать, что он прорвет волну ничьих. В межзональном турнире он сделал только 8 ничьих из 23 партий, а в упомянутом выше турнире в Нордвийке — одну ничью из 7 партий.

Будет ли Керес в этом турнире опять «лишь» вторым? Повсюду надеются, что симпатичному Паулю на этот раз удастся увенчать своим именем борьбу претендентов. При этом обычно подразумевают, что это последний шанс Кереса. Я так не думаю. Керес на пять лет моложе Ботвинника, и если его и в этот раз постигнет неудача, то наверняка и после этого турнира у него будет «наипоследний» шанс. В довершение всего в первом матче Керес встречается со Спасским. Тяжелый партнер!

Большие планы у Ларсена. Он приоткрыл их в межзональном турнире. Уже высчитали, что если Ларсен победит в матчах претендентов, его матч против Петросяна в 1966 году совпадет с десятилетием получения им звания гроссмейстера (Москва, 1956 г.). Но пока еще до этого далеко. Пока что ожидают его первого матча в июне или июле с Ивковым. Югослав был одним из двух счастливцев, которые нанесли Ларсену поражения в межзональном турнире, но на такого, как Ларсен, это влияет меньше всего.

И, наконец, десять партий матча Портиш — Таль, которые будут сыграны одновременно с матчем Ларсен — Ивков, где-то в Югославии. Результат будет в большей мере зависеть от состояния здоровья Таля. Однако даже идеально здоровый Таль может легко натолкнуться на неприятности в борьбе с несгибаемым, изобретательным венгром, которому многие, и не только земляки, сулят победу.

Амстердам.

Фельетон

Каких только игр нет на свете! От салочек и лото человек с возрастом доходит до футбола и покера. У взрослых некоторые игры носят чуть ли не сословный характер. Состоятельному американцу, например, просто по штату положено играть в гольф. В США некоторые увлекались этим видом спорта даже в ущерб своей государственной деятельности.

Да, страсть к игре велика не только у детей. Перефразировав известное изречение, можно высказать еще одну бесспорную истину: «Игре все возрасты покорны». К сожалению, нельзя и дальше продолжить цитату, ибо не всегда игры порывы благотворны... Но какой бы характер игра ни носила, она всегда ведется по правилам. Без правил какая же игра!

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь! Я иду искать совсем! — только произнеся это заклинание, малыш, которому досталось водить, идет разыскивать спрятавшихся сверстников.

Попробуй кто-нибудь из ребят сжульничать, нарушить правила игры, какой тут сразу шум поднимается!

Не знаем, к месту или нет, но аналогию со скандалом во время ребячьей игры провела недавно такая отнюдь не детская газета, как «Нью-Йорк таймс».

Эта газета, как и другие органы печати, сообщает о том, что в последнее время мэр Нью-Йорка Роберт Вагнер находится в довольно-таки затруднительном положении. Не желая быть в долгу у своих политических соперников, Вагнер нанес им ответный удар. Официально, под присягой, Вагнер заявил, что крупный политический босс Уильям Маккеон пытался подкупить двух его сподвижников. Каждому предлагалось по 10 тысяч долларов за то, чтобы они проголосовали против Вагнера и его людей.

Маккеон, в свою очередь, также официально, под присягой заявил, что все обвинения Вагнера — чистейшая ложь. Маккеон утверждал это «абсолютно, категорически и без всяких сомнений». Вагнер отвечал: «Я проверил все факты, использовав при этом все имеющиеся у меня возможности, и убедился в их достоверности». Для пущей убедительности он обрушил на головы своих противников имена свидетелей, названия отелей и номера люксов, в которых пытались устроить сговор и подкуп.

Снова — в который уже раз! — всплыла на поверхность грязь политической кухни в США. Вышел из щелей ее смрад.

И вот достойный комментарий газеты «Нью-Йорк таймс»:

«Даже лучшие друзья мэра Вагнера признают, что, если его обвинения справедливы, он все равно нарушил одно из самых неприкосновенных правил политики — главный закон, который политические деятели не должны нарушать никогда-никогда, как маленькие дети правила игры».

Как бы капитализм, словно старая модница, ни прихорашивал себя, правила его остаются все теми же, как и двести и сто лет назад. Так что, мистер Вагнер, не ропщи. Не нарушай в другой раз правила, не выдавай секретов бесчестной игры. Живи по закону политических джунглей. С волками жить...

В. НИКОЛАЕВ

НАШ КОНКУРС

ИЗУЧАЛИ АЗБУКУ ПО ОРДЕНАМ...

Ян ЧОМАЙ,
редактор братиславской молодежной газеты «Смена»

Может, я буду не совсем справедлив к тем, кому сейчас лет по десять, но все же позвольте думать, что им не понять всего жестокого смысла слова «война». В мае сорок пятого моим ровесникам тоже было лет по десять-одиннадцать. И мы тоже, естественно, многое не понимали. Но память сохранила эпизоды тех дней.

* * *

Однажды вечером пришел он к нам в подвал. Тепло там тогда было. Мамка как раз варила картошку и суп, подогревала чай. Он подсел к огню как старый знакомый — все-таки мы ведь уж с утра друг друга знали,— скрутил цигарку, а я с удовольствием взгромоздился к нему на колени. Мы потихоньку пели «Катюшу». Я знал эту песню уже с полгода: двоюродный брат научил, когда бежал из фашистской словацкой армии и скрывался несколько дней у нас до установления связи с партизанами.

Так вот, пели мы потихоньку «Катюшу», а я, десятилетний мальчишка, перебирал в такт песне награды на груди гостя и старался прочесть, что там написано. Дело шло, правда, туго, но гость старался помогать мне. «Смотри, Ванюшка,— говорил он,— видишь, это «В», а это «А», это...» Я неуклюже складывал буквы и слоги, путался невероятно. (Через год я все же удивил учительницу своим знанием русской азбуки.)

...Мама разлила по мискам ужин, он поел вместе с нами, расстегнул воротник, с минуту молча смотрел в землю. И вдруг расплакался. Старый усатый солдат плакал, как ребенок. Я смотрел, и мне было как-то не по себе. Тогда мне казалось, что героизм и слезы — вещи несовместимые. Потом он резко отбросил в сторону цигарку, встал и вышел. Ему было стыдно своих слез.

Примерно через час пришел Николай — капитан, который спал у нас в подвале уже две ночи. За Зволеном еще шли бои, через горы Центральной Словакии медленно, с большими потерями пробивалась Советская Армия. Узнав о случившемся, капитан Николай рассказал нам вот что.

Две недели тому назад в лесу, к югу от Зволена, сели на коней два разведчика: он, наш усатый друг, и его девятнадцатилетний сын. Когда они уже возвращались с задания, из кустарника внизу затрещал автомат. Сын мертвый свалился с коня.

Вечером бойцы соединения столпились вокруг убитого с шапками в руках. Тут же был и отец. Он молча смотрел себе под ноги, потом решительно повернулся, взял лопату и медленными, тупыми ударами начал копать могилу сыну...

...Тогда я впервые понял, что на слезы имеют право и герои.

* * *

За два или, самое большее, три дня до этого в утро, когда матери уже разрешили детям хоть на минутку выглянуть из подвала, ребятишки увидели такую картину: возле нашего дома, всего в нескольких шагах от ворот, лежал на земле черноволосый паренек. Рядом валялись рассыпанные советские монетки.

Паренек погиб на рассвете. В соседнем доме в окне находилось одно из последних фашистских пулеметных гнезд. Молоденький смуглый парнишка — может, грузин, а может, армянин, как знать, — подполз к окошку, приподнялся и бросил гранату. Но то ли не успел он отпрянуть, то ли зацепился за что, а может, просто судьбе было так угодно, только прошила его намертво пулеметная очередь.

И вот лежал он возле дома, лицом к окну, а рядом валялись рассыпанные монетки. Вы знаете, что мальчишки любят собирать всякую всячину. Монетки, несомненно, представляли для них большой интерес, и все же до самого вечера, пока парнишку не унесли, никто не решился дотронуться до денег. На них были следы смерти, которую я в тот день впервые увидел совсем близко. Она смотрела на меня с застывшего лица, из широко открытых глаз, устремленных к солнцу...

А в 1957 году мне пришлось впервые в жизни побывать в Москве, на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Я снова держал в руках советские монетки. Был вечер. Шел дождь, и из капель дождя на меня смотрело его лицо. Смуглое лицо парнишки, который лежал возле нашего дома в тот страшный и радостный 1945 год...

* * *

Прежде чем веселые дядьки с красными звездочками на фуражках простились с нами, мне посчастливилось поиграть с двумя из них в прятки в саду нашего дома. Впрочем, мальчишек в моем возрасте такие игры уже не очень интересовали. Поэтому, когда пришла моя очередь водить, я предложил придумать какую-нибудь более разумную игру, достойную мужчин. Ну пусть они меня, например, стрелять, что ли, научат. Знаю, мне не следовало бы писать об этом: два русских солдата, конечно, нарушили военную инструкцию, но, да простят они мне мою болтливость, теперь, через двадцать лет, их уже, наверное, никто за это не накажет. Одним словом, солдаты согласились, взяли винтовку, оперли ее о ствол яблони, зарядили, я спустил курок и...

...Винтовка была нацелена куда-то за трубу, так почему же мы вдруг подстрелили полузамерзшего воробья, что сидел на ветках чуть повыше? Просто какая-то глупая случайность. Он упал прямо к нашим ногам. Я осмелился дотронуться до него, в нем еще чувствовалось тепло жизни, и руки мои начали трястись...

Тогда я впервые по-настоящему понял, что ружья существуют для того, чтобы убивать.

* * *

На возвышенности над городом Зволен есть кладбище. Большое кладбище с гранитными памятниками, и в каждой могиле — чуть ли не по тысяче солдат. Всего их здесь похоронено тысяч, наверное, тридцать. Простите, следовало бы сказать более точно, сколько их там лежит. Ведь если лежит на одного или двух меньше, то, значит, на одного или двух больше осталось в живых. Но что поделать — не знаю я точной цифры, простите! Около тридцати тысяч советских и румынских солдат похоронено в этих могилах. И горит над кладбищем вечный огонь, а пионеры приносят сюда первые весенние цветы. В цветах этих — кусочек любви и благодарности, кусочек тепла человеческого сердца. И все же мне кажется, что дети не понимают до конца, какое это страшное слово — «смерть», сколько ужаса таит в себе слово «война»...

И хочется верить, что им никогда не придется понять весь страшный смысл этих слов. Те, за чьими могилами ребята так заботливо ухаживают, заплатили за это жизнями.

«ЯВА» ЖДЕТ ПОБЕДИТЕЛЯ!

Первый приз нашего конкурса «Навеки вместе!» — современная модель мотоцикла «Ява-250». И вполне возможно, что мотоцикл, предназначенный победителю, обкатывал человек, которому несколько недель назад москвичи горячо аплодировали на первенстве Европы по фигурному катанию. Мы говорим о Павле Романове.

Да, Павел и Ева Романовы, четырехкратные чемпионы мира,— большие автомотолюбители. Павел никогда не скрывал эту свою страсть. Только под давлением руководства чехословацкой секции фигурного катания накануне чемпионата Европы в Москве он прекратил свою тренировку, во время которой, например, совершил прыжок на мотоцикле на 17 метров. А Ева на днях получила права шофера...

Мотоцикл «Ява» пользуется большой популярностью во всем мире. И не случайно многие участники Международного шестидневного мотокросса соревновались на чехословацких мотоциклах «Ява» и «ЧЗ», а недавно лучший гонщик мира англичанин Бикерс пересел на новый чехословацкий мотоцикл, высоко оценив его качества.

В сибирский город Томск отправлен мотоцикл «Ява-250», на котором комсомолец инженер Александр Коноплев возьмет старт в день рождения В. И. Ленина — 22 апреля, в Москву прибудет 1 мая, а накануне 20-й годовщины освобождения Чехословакии его встретят на улицах Златой Праги.

На снимке: новая модель «Ява-250» для мотокросса. Первая премия нашего конкурса очень похожа на эту модель, но, как утверждают чехословацкие товарищи, еще красивее...

ПЕСНЯ НАД ПЛОЩАДЬЮ

Снимок этот я сделал на одной из пражских площадей 9 мая 1945 года. Сапер Владимир Темкин спросил:

— Кто из вас знает песню «Под нашими окнами течет Волчна»?

— Все!— радостно ответила площадь.

В кузов грузовика поднялось несколько девушек, и вскоре над площадью зазвучала чешская народная песня под аккомпанемент русской гармошки. Ее подхватили сотни людей...

Анатолий ЕГОРОВ,
бывший военный корреспондент

Огни Невинномысской ГРЭС.
Фото А. Гостева.

В. Захаркин. РАЗГОВОР.

СЕРДЦЕБИЕНЬЕ

Рамазан МАГОМЕДОВ

Шар земной мне кажется часами,
Круглыми и сплюснутыми чуть.
Стрелки мира между полюсами
Совершают бесконечный путь.

В думах подымаюсь по ступеням,
Вижу взлет кремлевских куполов.
Мавзолей, где спит великий Ленин,
Видится мне осью тех часов.

Проводив на запад день вчерашний,
Вновь восток горит огнем своим.

Стук часов на древней Спасской башне
Слышится дыханием живым.

Стрелки замирают на мгновенье,
Отмечая солнечный восход.
Этим молодым сердцебиеньем
Вся земля огромная живет.

Мне часами кажется планета.
Слышно, как часы идут, стуча.
Вслушайся, и ты поверишь: это
Вечно бьется сердце Ильича.

Перевел с аварского
Борис КАУРОВ.

Юрий ЮРОВ

«О чем мы говорили в последний раз?»

Три минуты звучит записанный на пластинку ленинский рассказ о первых днях только что родившейся Венгерской советской республики.

Ленин делится своими впечатлениями о переговорах, которые он вел по радио с ее руководителем — Бела Куном, и приводит такой эпизод:

«...на другой день после первого сообщения о венгерской революции, я послал радиотелеграмму в Будапешт, прося Бела Кун прийти к аппарату, задавая ему вопросы такого рода, чтобы проверить, он ли там присутствует...»

Чем же была вызвана такая предосторожность со стороны Владимира Ильича, и как практически ему удалось убедиться в том, что он имеет дело с Бела Куном?

Первое их знакомство состоялось еще в Петрограде. Сюда военнопленный Бела Кун приехал из Томска. Известно, что Ленин беседовал с венгерским коммунистом в начале 1918 года. Речь шла о заключении мира с Германией.

Подпись Бела Куна стоит рядом с именами Ленина, Карла Либкнехта и Розы Люксембург под воззванием подготовительного комитета Первого конгресса Третьего Интернационала...

Боец Красной гвардии против немецких полчищ под Петроградом, он готов в любую минуту взять в руки оружие, чтобы защитить молодую Советскую республику. И когда в Москве вспыхивает контрреволюционный эсеровский мятеж, венгерские интернационалисты под руководством Бела Куна участвуют в рукопашных схватках с мятежниками.

Осенью восемнадцатого года Бела Кун с отрядом интернационалистов отправляется на Пермско-Лысьвинский участок Восточного фронта. Его приезд поднял настроение бойцов, укрепил веру в победу, отмечал Ференц Мюнних, который был в свое время командиром Томского интернационального батальона. Подпись Бела Куна мы видим и под первым сообщением на имя Ленина о венгерской революции, принятым московской радиостанцией. Почему же Владимир Ильич хотел удостовериться в том, что Бела Кун, а не какой-нибудь самозванец будет его собеседником по радио? Дело в том, что всего лишь за месяц до революционного переворота в Будапеште, происшедшего во второй половине марта девятнадцатого года, буржуазное правительство Венгрии бросило Бела Куна и его соратников по коммунистической партии в тюрьму. И вот в Москву совершенно неожиданно приходит радостная весть о победе венгерской революции, вызвавшая огромный энтузиазм делегатов работавшего в те дни Восьмого съезда нашей партии.

Что же произошло в Будапеште? Оказалось, что Карольи — венгерский Керенский — вынужден был уйти в отставку. А венгерские соглашатели пришли в тюрьму, в которой томился Бела Кун, и обратились к нему со словами: «Вам придется взять власть». За венгерскими коммунистами дело не стало. Но господа, которым пришлось снять шляпы перед ними, были способны на любое предательство, на любой подвох.

Будет ли новое венгерское правительство на самом деле коммунистическим, а не социал-предательским,—вот чем был озабочен Ленин. Отсюда и его прямые вопросы: имеют ли коммунисты большинство в правительстве? Когда произойдет съезд Советов? В чем состоит реально признание социалистами диктатуры пролетариата? Но для этого Ленину надо было прежде всего убедиться в том, что из Будапешта ему будет отвечать именно Бела Кун — наш товарищ и коммунист.

Ленин находился в Кремле, а Бела Кун—в Доме Советов в Будапеште, когда московская и Чепельская радиостанции связали их.

И вот как, по свидетельству венгерских товарищей, находившихся рядом с Бела Куном, завязался этот разговор.

Кун. От имени Революционного Исполнительного Комитета и от имени победоносной диктатуры пролетариата приветствую русскую революцию.

Ленин. У телефона товарищ Кун?

Кун. Да.

Ленин. Докажите.

Кун. По телефону? Чем же?

Ленин. Скажите, товарищ Кун, о чем мы говорили в последний раз?

Кун. Мы часто разговаривали. О чем именно я должен сказать вам, товарищ Ленин?

Ленин. Скажите, о чем мы говорили в последний раз?

Кун. Я, право, не могу вспомнить.

Ленин. Подумайте. Непосредственно перед вашим отъездом, здесь, в Кремле?

Кун. Да, я вспоминаю, товарищ Ленин... Мы говорили о крестьянском вопросе...

Ленин. Совершенно верно... Прошу вас, товарищ Кун, передайте победоносному венгерскому пролетариату привет от русской революции. Победоносная диктатура венгерских и русских рабочих и крестьян будет вместе продолжать борьбу за мировую революцию...

Принять первую весть из Будапешта на имя главы Советского правительства об установлении в Венгрии народной власти посчастливилось дежурному московской радиостанции Максиму Яковлевичу Скибину. Он же ответил на телефонный звонок Ленина, просившего связистов поддерживать круглосуточную связь с Будапештом и тотчас же пересылать ему все поступающие оттуда сообщения. Владимир Ильич продиктовал и номер телефона дежурных секретарей Совнаркома.

Несколько лет назад Скибин был гостем Венгерской Народной Республики. В Будапеште он встретился со своим венгерским коллегой Добашем Иштваном, передавшим в Москву историческую радиограмму Бела Куна Ленину о победе революции. Состоялся и ответный визит Добаша Иштвана в Москву.

Мне, однако, не приходилось встречать в нашей печати и слышать рассказы телеграфистов, которые непосредственно связывали Ленина с Бела Куном, были свидетелями их переговоров. Нет ли кого-нибудь из них в живых?

Прежде всего я встретился со Скибиным. Максим Яковлевич посоветовал мне отыскать Петра Васильевича Костычева. Нашел...

Переговоры с Будапештом Ленин вел из Кремля через Ходынскую радиостанцию. И бывшему ее телеграфисту-юзисту не раз приходилось выполнять обязанности технического посредника.

— «Говорит Кремль. У аппарата Ленин» — так обычно начинались переговоры,—вспоминает Костычев.— Владимир Ильич в Кремле стоял у такого же аппарата Юза, как мой,— рассказывает Костычев.

У такого же аппарата...

— Петр Васильевич, так вы, верно, знали и кремлевских юзистов, которым Ленин мог диктовать свои радиограммы Бела Куну?

— Вот что, спросите-ка на Центральном телеграфе про Коробова. Года два тому назад я с ним встречался на одном праздничном вечере...

И Костычев дает мне номер телефона Тамары Максимовны Перовой — одной из активных общественниц Центрального телеграфа.

— Коробов? — переспрашивает она.— Александр Николаевич? Жив, здоров. Он у нас бодрый! Следит за собой...

Спрашиваю Тамару Максимовну, не рассказывал ли Коробов о том, что ему приходилось в дни рождения Венгерской советской республики связывать Ленина с Будапештом, с Бела Куном.

— Александр Николаевич нам недавно принес целую тетрадку со своими воспоминаниями,— отвечает Перова.— Там как раз есть и об этом. Приходите, я вам ее покажу...

И вот тетрадка в моих руках. Ознакомившись с ее содержанием, спешу на квартиру к автору воспоминаний, пенсионеру, чтобы из его уст услышать интересующий меня рассказ.

Через короткое время после приезда Советского правительства в Москву в Кремле была оборудована переговорно-телеграфная станция. Ленин заходил в аппаратную, интересовался, как налажена связь, какие новости с фронтов.

Прямым проводом Владимир Ильич не раз пользовался для того, чтобы быть в курсе важнейших военных операций, ускорить решение неотложных вопросов хозяйственного строительства.

Была уже весенняя полночь девятнадцатого года, когда в аппаратной раздался звонок с Центрального телеграфа.

— Вас вызывает Будапешт,— услышал Коробов,— открывайте аппарат Юза.

— Я Москва,— откликнулся московский телеграфист, сев за клавиатуру аппарата.

Бела Кун приглашал к аппарату Ленина.

— Подождите, пожалуйста. Я сейчас позвоню по телефону товарищу Ленину,— ответил Коробов.

«Наверное, Владимир Ильич отдыхает»,— подумал про себя Александр Николаевич, берясь за ручку старенького стенного телефона фирмы Сименс и Гальске.

— У телефона Ленин,— раздался голос из рабочего кабинета Председателя Совета Народных Комиссаров.

— Владимир Ильич, вас просит к аппарату товарищ Бела Кун.

— Скажите, что я сейчас иду...

«Прошло несколько минут,— рассказывает Коробов.— Я слышу шаги по коридору здания судебных установлений. А время — два часа ночи... Владимир Ильич вошел в аппаратную, поздоровался. Пальто было на нем внакидку. Сбросил его с себя, положил на диван и подошел к аппарату. Я сел за клавиатуру. Ленин стоял рядом. «Скажите, что у аппарата Ленин»,— попросил Владимир Ильич передать Бела Куну. Я передал. Бела Кун задал Ленину первый вопрос. Владимир Ильич продиктовал свой ответ. И так фраза за фразой. Я печатаю на клавишах. Лента бежит... Владимир Ильич читает... Когда окон-

чился этот разговор, стало уже рассветать...»

Суровые испытания выпали на долю Бела Куна, оказавшегося после поражения Венгерской советской республики в руках озверевших врагов. Лишь летом двадцатого года ценою голодовки ему удалось вырваться на свободу. Скоро несгибаемого борца-интернационалиста братски встречал рабочий Петроград.

...Первая встреча с Лениным по возвращении в Россию. Бела Кун активно включается в работу Коминтерна. Позднее он член Реввоенсовета Южного фронта. На другой день после разгрома полчищ барона Врангеля создается Крымский ревком. Возглавляет его Бела Кун.

После гражданской войны он вновь возвращается к работе в Коминтерне и отдает все силы укреплению братских связей между коммунистическими партиями, развитию рабочего движения.

По Ленину, по ленинскому учению, по компасу ленинизма сверял свои шаги в жизни венгерский коммунист.

Бела Кун мог не раз убедиться и в том, до какой степени чуток и внимателен Ленин к людским судьбам.

«Прошу сообщить мне кратко о состоянии здоровья т. Бела Куна, а равно, сколько времени требуется на леченье и какого рода лечение Вы предполагаете»,— интересовался Ленин в своей телефонограмме, переданной из Горок летом двадцать первого года.

Позднее Ленин обратился с письмом к советскому послу в Швеции П. М. Керженцеву:

«Очень прошу Вас оказать полнейшее доверие и **всяческое** содействие тов. Бела Куну и его семье по части устройства в Стокгольме, отдыха и лечения (в чем он **очень** нуждается) и всего прочего».

Что же было причиной столь большой ленинской тревоги и озабоченности? Какие меры последовали после непосредственного вмешательства Владимира Ильича?

Вдова выдающегося революционного борца Ирена Кун живет в Будапеште. Я позвонил ей по телефону и получил ее любезное согласие ответить на интересующие меня вопросы.

Здоровье Бела Куна было основательно подорвано. Он тяжело болел. Вначале была сделана попытка устроить его на лечение за границей. Из этого ничего не вышло. Правительства Швеции и Норвегии отказались выдать Бела Куну визу на въезд в эти страны.

Тогда было решено провести лечение в Железноводске.

«Это было отнюдь не просто в то время, ибо только что окончилась гражданская война, а на Северном Кавказе не были еще ликвидированы банды,— пишет мне товарищ Ирена Кун.— В то время еще не были созданы курортные управления и всякого рода отделы обслуживания, и поэтому Ленин лично проследил за нашим устройством. В частности, по его указанию нам были доставлены домой железнодорожные билеты, командировки, деньги и т. д. В Железноводске мы жили в отдельном домике по соседству с Фрунзе и его семьей. Фрунзе также был болен. Два месяца пробыл Бела Кун на Кавказе — месяц в Железноводске и месяц в Кисловодске».

После выздоровления Бела Кун со свежими силами берется за работу и выполняет важнейшие поручения Ленина на Урале.

Жена Бела Куна рассказывает о том, что на конгрессе Коминтерна ей посчастливилось познакомиться с Лениным, о котором она так много слышала от своего мужа.

«Познакомились мы на лестнице здания, в котором происходил конгресс,— рассказывает она.— Ленин поднимался в зал заседаний. Я вместе с Бела Куном спускалась вниз. Ленин, увидев Бела Куна, остановился, улыбнулся, поздоровался с ним и спросил:

— Ваша жена?

— Да, моя жена.

Тогда Ленин протянул мне руку и сказал:

— А я Ленин... Как вы доехали с Урала? Каковы ваши планы на будущее? Как чувствует себя ваши дети? Вам нужно научиться говорить по-русски...»

Ленин не раз принимал у себя Бела Куна. Их встречи продолжались и во время болезни Владимира Ильича в Горках.

•

Стойко ДАНЧЕВ

Ступаем безмолвно,
волненья полны,
по комнате, залитой светом.
И нас,
улыбаясь среди тишины,
приветствует Ленин с портрета.
Глядит он,
знакомым прищуром лучась
и грея теплом наши души.
Стоим и молчим в кабинете,
боясь
молчание это нарушить.
Лишь слышно,
как бьются, неровно стуча,
сердца другарей
из Софии...
И вдруг я услышал
слова Ильича
о братстве
болгар и России.
Как будто живой он,
сойдя со стены,
за скромным столом кабинета
беседует с нами
среди тишины,
пронизанной солнечным светом.
Выходим,
не в силах волненье унять.
Поется и дышится вольно.
И знамя,
которому вечно сиять,
зарею
полощет
над Смольным.

Перевел с болгарского
Борис КАУРОВ.

20 лет назад был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Народной Республикой. Эта дружба скреплена кровью советских людей и поляков, пролитой в борьбе с немецким фашизмом. 8 апреля в Варшаве состоялось подписание нового Договора, развивающего Договор 1945 года и обеспечивающего дальнейшее укрепление братских отношений между нашими социалистическими государствами.

За нашу и вашу

Владимир БЕЛЯЕВ

В тот последний день мая 1942 года, стоя на Лесном причале Мурманского порта, я вдруг увидел на мачте полуразбитого серого эскадренного миноносца с цифрой «Н-37» на борту бело-красное польское знамя.

Все явственнее доносились знакомые с детства звуки польской речи. А на продырявленной стене палубной надстройки я увидел сделанную кровью надпись: «Польша, как сладко за тебя умирать!» Позже выяснилось, что надпись эту сделал там, в бою на Баренцовом море, тяжело раненный моряк с подлинно военной фамилией Бомба!

Зная подробности следования конвоев и всю сложность их прорыва к советским берегам, я мог с первого взгляда определить, что нашему новому польскому гостю пришлось очень жарко в морском бою.

На его корме и по бортам лежали прикрытые ворсистыми одеялами раненые и убитые моряки. Они были обвязаны спасательными поясами, которые уже ничем не могли помочь мертвым.

2 июня 1942 года убитых и умерших от ран товарищей по морскому обычаю медленно опустили под звуки салюта на дно Кольского залива. И поныне покоятся там возле нового, восстановленного Мурманска двадцать два воина Польши, погибшие в боях с фашистами на Северном море «за нашу и вашу вольность».

Вот их фамилии: Тадеуш Ярош, Эдвард Павельчик, Станислав Хершфельд, Тадеуш Карват, Ян Киселевский, Ян Краевский, Мечислав Пецик, Юзеф Скршиняк, Сильвестр Фицек, Леон Иваньский, Чеслав Ковалевский, Альфонс Малолепши, Эдвард Матушевский, Чеслав Павловский, Шимон Сачук, Рышард Схымик, Владислав Жуковский, Юзеф Гиза, Ян Маковский, Юзеф Новосад, Леонард Слюсарский, Ян Чебятовский.

Имена этих храбрых моряков, охранявших караван с оружием для Красной Армии, никогда не забудут ни польский, ни советский народы.

Раненые польские моряки были сперва помещены в госпиталь, находящийся в здании средней школы на окраине Мурманска. В большом гимнастическом зале лежало свыше ста раненых моряков. Иногда налеты гитлеровцев следовали через каждые полчаса. Были дни, когда Мурманск бомбили по семнадцать раз. Во время налетов все, кто мог ходить, бежали в бомбоубежища. Около коек тяжелораненых неотлучно дежурили врачи, преимущественно женщины, помогавшие главному хирургу Казакову успокаивать и лечить раненых.

Вскоре большая часть раненых была отвезена в Архангельск, который тогда еще не подвергался налетам гитлеровской авиации.

«Я был на «Авроре» — так назвал свои воспоминания, опубликованные в журнале «Пшиязнь», минный офицер с «Гарланда» Михаль Боровский.

27 мая 1942 года. Эскадренный миноносец «Гарланд», отбивая атаки немецких самолетов, идет к советским берегам.

ВОЛЬНОСТЬ

Вот там-то, в просторном и удобном здании бывшей школы на проспекте Павлина Виноградова, в госпитале 191 я познакомился с моряками эскадренного миноносца «Гарланд». Так назывался военный корабль, увиденный мною в Мурманске.

Часами я просиживал у коек польских офицеров Тадеуша Каминского, Юзефа Анчиковского, старшего матроса Бомбы, Генриха Новаковского и других раненых, записывал их рассказы о боевых действиях в Атлантике и у берегов Исландии. Я наблюдал весь сложный процесс их лечения. Никогда не забудется та ночь, когда хирург украинец Никита Степанович Оноприенко (после войны — доцент Киевского медицинского института) перелил свою кровь заместителю командира «Гарланда» Тадеушу Каминскому, процент гемоглобина у которого катастрофически падал.

...Темной осенней ночью 1942 года мы расставались. Очередной конвой увозил с собой поправившихся раненых к берегам Англии, где тогда базировались корабли оккупированной Польши.

Никогда не забуду, как скромная и милая санитарка Настя положила на носилки Анчиковскому и Каминскому букетики астр. Смысл этого поступка раскрылся мне еще больше, когда на следующий день подруги Насти рассказали, как бегала она по базарам за этими редкими для севера цветами и как выменяла их на свою хлебную пайку шанежек, которые в Архангельске той осенью были на вес золота.

Маршруты следования конвоев, часы их отхода, порты назначения — все это в годы войны было строжайшей военной тайной.

Велико было наше удивление, когда в один и тот же день мы вместе с доктором Оноприенко получили телеграммы из далекого Глазго одинакового содержания: «Бест гритингс — Каминский, Анчиковский». Этой лаконичной телеграммой польские друзья извещали нас, что они благополучно прибыли на базу.

Когда несколько лет назад сотрудница журнала Общества польско-советской дружбы Ядвига Нуркевич, посетившая Советский Союз, попросила меня написать что-либо для журнала «Пшиязнь», я прежде всего вспомнил эту историю и охотно изложил ее в виде рассказа. Он был опубликован в 1960 году в этом журнале.

Я никак не предполагал, что этот документальный рассказ «Встреча под бомбами» вызовет так много откликов не только из Польши, но и из других стран, где живут бывшие моряки «Гарланда». В своих письмах, присланных в редакцию, они называли фамилии погибших и раненых участников рейса к берегам Советского Союза. Редакция «Пшиязни» печатала эти письма и фотографии.

«Как жаль, что мой бедный сын Мечислав Пецик не смог дожить до того момента, когда «Гарланд» пришел в Мурманск. Если бы он попал в руки добрых советских хирургов, они, несомненно, спасли бы ему жизнь»,— писала польская мать Янина Пецик. А когда редакция опубликовала этот отклик и фотографию Пецика, похороненного на дне Кольского залива, Янина Пецик прислала в «Пшиязнь» новое письмо:

«...Сердечно благодарю за опубликование заметки о моем сыне... Мне легче оттого, что столько людей сочувствует мне и жалеет моего Мечислава. В трамвае я видела, как люди читают этот материал и как одна женщина заплакала. Я спросила: не знала ли она этого хлопца? Женщина показала на фотографии надпись, которую некогда Мечислав сделал для меня, и тогда заплакала я...»

Вдруг звонок из Варшавы.

— Нашелся Каминский. Прислал письма в редакцию и доктору Оноприенко! — сообщил сотрудник редакции «Пшиязнь».

Письмо это лежит передо мной. В нем написано:

«...Если же говорить о докторе Оноприенко, то память о нем никогда не пропадет в моем сердце. Ведь этот человек спас мне жизнь! Помню его, высокого, стройного человека, прекрасного военного врача, но прежде всего никогда не забыть мне его доброго сердца и благородного характера. Вижу это так, как будто бы вчера было все, как во время моей операции, которая проходила при местном обезболивании (я все время был в сознании), после ампутации стопы он перевязывал самые мельчайшие кровеносные сосуды, чтобы сберечь каждую каплю крови, а ее уже так мало у меня оставалось. Помню послеоперационную и очень болезненную перевязку, когда с искренней радостью доктор Оноприенко выкрикнул: «Не только все в порядке, но уже рана затягивается!» Помню его частые посещения в любое время суток и в часы вражеских бомбежек и ту бутылку коньяка, которую он принес мне в подарок и уговорил выпить для подкрепления гаснущих сил. В самом деле, помню его не только как врача, исполняющего свой долг, но прежде всего как человека, делающего все, чтобы спасти людскую жизнь, как нашего большого приятеля...»

А спустя несколько дней — новое письмо с фотографией бородатого капитана, стоящего на мостике торгового корабля. Признаться, я вначале не узнал в нем Юзефа Анчиковского — ведь прошло 20 лет.

«Контакт с вами доставил мне много радости и волнения. Вспомнилось время, проведенное вместе в дни войны,— писал Анчиковский.— Никогда не забуду той сердечной заботы, которую я встретил со стороны администрации советского госпиталя в Архангельске, его сестер и врачей, а также не забыть мне вашу моральную поддержку во время посещений нашей палаты».

...Так жизнь дописывала эпилог нашей встречи. Дописывала, но не дописала. Нашелся и написал мне еще один моряк из экипажа эскадренного миноносца «Гарланд». Им оказался проживающий сейчас в городе Бытомь командор, поручик резерва Михаль Боровский. Я ответил. Пришло второе письмо из Бытоми с фотографиями и статьями Боровского, опубликованными в польской печати, и тут я узнал, что мой новый знакомый — старый моряк, который проходил в 1916 году учебную практику на легендарной «Авроре».

Вот что написал Боровский:

«...Что касается меня лично, то 27 мая 1942 года я был тяжело ранен в поясницу вблизи почек и в глаз осколком вражеской бомбы, которая взорвалась на расстоянии восьми метров от правого борта нашего военного корабля «Гарланд». На нем я исполнял обязанности минного офицера...

...Когда мы пришли в Мурманск, я очутился в госпитале, организованном на время войны в местной школе. До самого конца пребывания в СССР я не мог самостоятельно ходить и двигаться. Сейчас я помню только одну фамилию медсестры, которая была так любезна и подарила мне на память книжку со стихами А. С. Пушкина с надписью: «На память Боровскому от сестры Клавдии Иосифовны Жарковой, город Мурманск, проспект Ленина, дом 4». Я был ей очень благодарен и за книжку и за усиленную заботу о моем больном глазе.

Будучи участником Великой социалистической революции в 1917 году (я служил тогда в Балтийском русском флоте и базировался в Финляндии, в Гельсингфорсе, на заградителе «Нарова»), я не сомневаюсь, что мне удастся через два с половиной года (если, конечно, доживу) побывать в Москве на торжественном праздновании пятидесятой годовщины Великой Октябрьской революции. Приеду в составе пассажиров поезда дружбы. Тогда буду очень рад встретиться с вами и рассказать о моей богатой многими событиями жизни моряка. Ведь в военном флоте я прослужил сорок лет. Сейчас мне исполнилось уже 68 лет, я нахожусь в отставке, на пенсии. Два года назад я побывал в Ленинграде и Москве с поездом дружбы. Я активист Общества польско-советской дружбы. Мне посчастливилось посетить дорогой моему сердцу с дней ранней молодости крейсер «Аврора». Шлю вам сердечный привет и желаю всего хорошего.

Ваш Михаль Боровский».

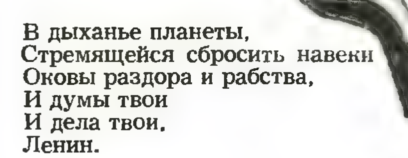
Так до наших дней сохранились узы дружбы, завязавшейся еще в дни войны, между людьми братских славянских наций, которые двадцать лет назад вместе сломали хребет немецкому фашизму и отстояли свободу для своих стран.

«Гарланд» на пути в Мурманск. Артиллеристы орудия № 1. Все они погибли в бою.

Эти снимки сделаны старшим боцманом «Гарланда» Павлом Плоикой.

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Джозеф Акем Фондем

Камерун

В дыханье планеты,
Стремящейся сбросить навеки
Оковы раздора и рабства,
И думы твои
И дела твои,
Ленин.

И в Африке нашей,
Похожей на гордое сердце,
И в гордых сердцах
Африканских крестьян и рабочих
Заветы твои
И твои начертания,
Ленин.

Политую потом и кровью,
Мы Африку вспашем,
Чтоб там, где звенели
Невольничьи ржавые цепи,
Из пота и крови
Цветы поднялись
С вдохновенным названьем —
Свобода.

Мы прутья взломаем,
Мы двери откроем
И выпустим к солнцу из клеток
Томящихся птиц,
Потому что Свобода
Для всех одинаково
Необходима, как солнце.

И наша планета,
Влюбленная в ясное солнце,
Услышит не стоны
В саваннах,
В пустынях
И джунглях,
А звуки тамтамов,
А песни крестьян и рабочих,
А слово Свобода,
Что черному, так же
Как белому,
Необходима.

И пусть же над Африкой,
Как над всею планетой,
Гремит торжествующе
Имя твое вдохновенное
Ленин,
Что черному, так же
Как белому,
Необходимо.
Что учит, как надо
В саваннах,
В пустынях
И джунглях,
На вспаханных землях
Цветам подниматься
С заветным названьем —
Свобода;
Что учит, как надо
Томящихся птиц
Выпускать из проржавленных
клеток
Навстречу Свободе,
Навстречу открытому солнцу.

Перевел с английского
Дмитрий БЛЫНСКИЙ.

Владимир ЦВЕТОВ

Тринадцатое число считается роковым. Для меня 13 апреля 1963 года стало счастливым днем. В тот день неизвестный в СССР и забытый в Японии текст интервью с Лениным был наконец найден. Поздно вечером позвонил Масао Майя и сказал, что газета с ленинским интервью у него в руках.

Уже через минуту я сидел в машине и, выжимая из стосильного мотора все, что он мог дать, мчался в газету «Асахи». Мне повезло! Мне досталась редкая удача — открыть пусть маленький, но дорогой для нас, советских людей, факт биографии Владимира Ильича Ленина.

Вот и двенадцатиэтажное здание «Асахи». Здесь, в самом центре города, на оживленном пятачке, зажатом линией городской железной дороги и скоростной автотрассой, которую железобетонные быки вознесли над городом до уровня третьего этажа, поставить машину негде. Я остановил ее у тротуара прямо на пешеходной дорожке и бросился прочь, пока меня не увидел регулировщик уличного движения и не заставил искать стоянку.

В кафе по соседству с «Асахи», где мы договорились встретиться, Майя еще не было. Официантка принесла обязательный для всех японских кафе и ресторанов бокал с холодной водой, положила влажную салфетку в запечатанном целлофановом пакетике, чтобы я вытер руки, и раскрыла блокнотик. Но я смотрел на дверь. Наконец под традиционный возглас девушки-швейцара «Ирассяй масэ!», который адресован и посетителю и официантам: для первого он — приглашение войти, а для вторых — сигнал, что нужно встретить и усадить нового клиента,— в кафе появился Масао Майя.

Майя был взволнован не меньше меня. Ничего не произнося, он расстелил на столике газетный лист. «Беседа с Лениным. Собственный корреспондент в Москве Рё Накахира»,— прочитал я отчеркнутое карандашом место. А в углу листа прочитал название газеты и дату: «Осака Асахи», 13 июня 1920 года. Оказывается, именно в этой газете опубликовано интервью, которое я искал.

Я не помню, какие слова благодарности я говорил Масао Майя и говорил ли их вообще. Я сразу же погрузился в чтение.

Прежде чем приступить к изложению беседы с Лениным, корреспондент «Осака Асахи» писал:

«Третьего июня я встретился с господином Лениным в его кабинете, находящемся в Москве, в Кремлевском дворце. Вопреки моим ожиданиям обстановка кабинета была скромной и простой, и это крайне удивило меня. Господин Ленин принял нас исключительно просто и сердечно — так принимают только старых друзей. Хотя Ленин занимает высший пост в России, в его манерах, в его обращении с нами не было и намека на высокомерие».

Затем Рё Накахира рассказал о своей беседе с Лениным:

«Не дожидаясь наших вопросов, Ленин заговорил сам. Коснувшись японо-русских отношений, Ленин выразил глубокое сожаление по поводу позиции Японии, которая не проявляет готовности пойти навстречу миролюбивым шагам рабоче-крестьянского правительства России. «Рабоче-крестьянское правительство,— отметил он,— именно потому, что оно придерживается миролюбивых принципов, пошло на признание буферного государства на Дальнем Востоке» [1].

Перейдя на другие темы, Ленин задал один за другим ряд вопросов: «1. Являются ли помещики в Японии господствующим классом? 2. Могут ли японские крестьяне свободно владеть землей? 3. Живет ли японский народ главным образом за счет внутренних ресурсов страны или Япония импортирует большое количество товаров из-за границы?».

Таким образом, Ленин дал нам ясно понять, что его глубоко интересует жизнь японского народа.

Затем Ленин задал такой интересный вопрос: «Я прочел в одной книге, что в Японии родители не бьют своих детей. Так ли это?» Мы ответили: «Исключения, конечно, бывают, но, как правило, у нас не бьют детей». Он с большим удовлетворением отметил, что один из принципов рабоче-крестьянского правительства тоже заключается в отмене телесного наказания детей.

Мы задали несколько вопросов о революции в России и о перспективах ее развития.

Кратко изложив историю русского революционного движения, Ленин сказал: «До революции русский рабочий класс и крестьянство подвергались невиданному в истории угнетению. В результате этого угнетения дух протеста народных масс все более усиливался и привел к революционному взрыву. Именно в этом и кроется причина того, что, несмотря на сравнительно слабую организованность низших слоев населения России и несмотря на низкий по сравнению с другими странами уровень грамотности, революционное движение все-таки не удалось подавить. Ныне русский рабочий класс и крестьянство имеют более чем двухгодичный опыт революции и прошли замечательную школу политической и социальной учебы. Опыт, накопленный в течение этих двух с половиной лет, вполне можно сопоставить с многовековым развитием».

Потом мы спросили: «Рабоче-крестьянская республика принципиально отказалась выплатить долги по займам царского правительства, однако она обещала по заключении мира с Эстонией выплатить ей большую сумму золотом. Чем это объяснить?».

Ленин широко улыбнулся и ответил: «Эстония благожелательно относится к рабоче-крестьянскому государству, и рабоче-крестьянское правительство в ответ на эту благожелательность дало обещание уплатить ей золотом». Затем он сказал: «Очень трудно иметь дело с имущими классами. Представители имущих классов по самой своей природе думают только об удовлетворении своей алчности к деньгам. Взять, например, Америку. Америка предложила нашему рабоче-крестьянскому государству заключить мир. Но если внимательно изучить это предложение, то, оказывается, оно носит с начала и до конца грабительский характер. Это для нас неприемлемо. Поэтому мы принципиально отказались от подписания такого мирного договора. Конечно, мы не хотим, чтобы за границей на нас смотрели как на слабое государство. Есть основания думать, что, чем дольше страны Антанты будут отказываться от признания рабоче-крестьянского государства и будут пытаться осуществлять военную интервенцию в России, тем выгоднее это будет в конечном итоге для нас.

Большие перспективы открываются перед промышленностью России. Возьмем, к примеру, хотя бы энергетику. Если она будет развита до высокого уровня, мы сможем электрифицировать все отрасли хозяйства. Созидательные возможности коммунизма скоро дадут большой эффект в разрешении всех этих проблем и будет сделан такой гигантский шаг вперед, который можно сравнить с прогрессом, осуществляющимся в течение многих десятилетий».

Этот текст, до сих пор неизвестный в СССР, я отправил в Институт марксизма-ленинизма. Он включен в Полное собрание сочинений Ленина [2].

Итак, новый документ, относящийся к деятельности Ленина, найден. Я еще и еще раз внимательно читал его и все более убеждался, что в манере изложения беседы было что-то необычное для японской газеты. Ну конечно же! Корреспондент писал не от первого лица, как это принято в японской печати. «Не дожидаясь **наших** вопросов...», «Ленин дал **нам** ясно понять...», «**Мы** ответили...» — такими выражениями пестрела информация Рё Накахира. Значит, он брал интервью не один?

[1] Речь идет о Дальневосточной республике, существовавшей с апреля 1920 по ноябрь 1922 года.

[2] Текст беседы В. И. Ленина с японским корреспондентом Рё Накахира был обнаружен также Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в журнале «Soviet Russia» № 6 от 7 августа 1920 года. Этот журнал издавался в США на английском языке.

Беседа с Лениным, как это известно из сообщения Накахира, состоялась третьего июня. Шестого июня Накахира отправил ее запись из Москвы. Я вспомнил, что текст интервью, взятого у Ленина корреспондентом «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити» Кацудзи Фусэ, помечен: «Передано телеграфом из Москвы 4 июня». Сравнение некоторых высказываний Ленина, его вопросов к корреспондентам и ответов на них Накахира и Фусэ не оставляло сомнений в том, что корреспонденты одновременно беседовали с Лениным. Рё Накахира оказался скромнее Фусэ, который в информации для своих газет ни словом не обмолвился об участии в беседе с Лениным еще одного корреспондента.

Все ли, что говорил Ленин, отразил Рё Накахира в своей записи беседы? Что вычеркнула цензура? Как корреспондент попал в Советскую Россию? На эти вопросы мог ответить только сам Накахира. Но жив ли он? Масао Майя не знал. Он впервые слышал имя Накахира.

К кому обратиться? Кого спросить, жив ли корреспондент «Осака Асахи»? Над этими вопросами ломал я голову, когда, расставшись с Масао Майя, принялся отыскивать в близлежащих переулках свою машину, отогнанную полицией.

Вокруг «Асахи» бурлила вечерняя толпа. Я с трудом продирался сквозь нее. А каждая заявило о докладе Ясуйя Утида министерство иностранных дел, я окажусь лишенным возможности продолжать поиски».

Под крышей «Асахи» побежали английские слова новостей европейских и американских агентств. Газета экономила время даже на переводе. Сила и влияние «Асахи», да и не только «Асахи» — всех японских газет, огромны. В Японии до сих пор вспоминают случай, как японские газеты в отместку премьер-министру, отказавшемуся перед отъездом в США созвать пресс-конференцию, ни словом не обмолвились о его визите в Вашингтон. Когда премьер-министр вернулся в Японию, на аэродроме не оказалось ни одного японского репортера. Премьер-министр пожелал рассказать общественности о результатах переговоров в США, но в зале для пресс-конференций его встретили лишь иностранные корреспонденты. Премьер-министр вынужден был публично извиниться перед японской печатью. «Газетчики — вот кто может мне помочь!» — решил я.

При упоминании имени Накахира старые журналисты, работающие в «Асахи», долго морщили лбы, произнося нараспев: «Со дэс нэ-э-э...» — фразу, которую точно перевести на русский язык невозможно и которая говорится каждым японцем, когда тот силится что-то вспомнить или думает, как ответить на ваш вопрос. Один из журналистов сказал, что был новит историю его встречи с вождем революции.

Но радость моя была преждевременной. Япония,—пожалуй, единственная страна в мире, в городах которой улицы не имеют названий. Мог бы кто-нибудь найти дом, располагая, скажем, таким адресом: Москва, Ленинградский район, 15-й квартал сектора Октябрьское поле? Адрес Накахира и был примерно таким. Если учесть, что в секторе полтора-два десятка безымянных улиц, а кварталов пятьшесть десятков и ни один из них не помечен номером, если учесть, что в каждом квартале по восемь— десять похожих друг на друга домов, то разыскать нужный — задача не из легких.

Хотя это и происходило в Японии, я решил действовать по принципу: «Язык до Киева доведет».

Район, в котором я оказался, состоял из кривых, путаных, тесных улочек, таких тесных, что в них никак не разминуться двум автомашинам. В этой части Токио, заселенной беднотой, иностранцы почти не появляются. Сопровождаемый любопытными, недоуменными взглядами, я обходил овощные и рисовые лавки, табачные киоски и опрашивал их владельцев, которые, как правило, знают своих клиентов— жителей окрестных кварталов. Расспросы лавочников ничего не дали. Никто не слышал о Накахира.

Окончание. См. «Огонек» № 15.

В ПОИСКАХ ЛЕНИНСКОЙ СТРАНИЧКИ

дверь выливала на улицу новые людские потоки — из кино, ресторанов, ночных клубов, кафе. Мигающие, кружащиеся, прыгающие по фасадам зданий огни реклам делали лица людей то мертвенно-белыми, то вдруг зелеными, то красными, то совершенно неожиданно синими. Если вдруг кто-то, задрав голову, начинал читать бегущие под крышей «Асахи» световые строки новостей, моментально создавалась пробка, и проходило минут пять—десять, прежде чем она рассасывалась. Обрывки мелодий, рвавшихся из кафе и ночных клубов, смешивались с говором толпы, с шарканьем по неровному, выщербленному асфальту тысяч ног. Этот разноголосый гул время от времени перекрывался резкими сигналами автомобилей и тягучими гудками трамваев, грохотом надземки, воем сирен полицейских машин. «Мыслимо ли в этом десятимиллионном городе — «городе-мамонте», как называют Токио японцы,— разыскать человека!» — думал я.

Взгляд мой скользнул по стеклянному стакану полицейской будки, на крыше которой светились два табло. Первое показывало, что зашумленность улицы достигла 80 фонов — значительно больше, чем позволяют официально установленные нормы. Второе бесстрастно уведомляло, что накануне в Токио в автомобильных катастрофах пятеро погибли и 217 человек ранены. «Может быть, обратиться за помощью к полиции? — размышлял я.— Пожалуй, не стоит. Она и так обеспокоена моими поисками. Я чувствую ее пристальное внимание. И если она заявит, что Накахира нет, как вроде такой работник в «Асахи» до войны, другой высказался определенней: да, был и ездил собственным корреспондентом газеты не то в Берлин, не то в Лондон. Но жив ли он — этого они не знали. Единственное, что удалось выяснить, расспрашивая друзей-журналистов: Рё Накахира действительно работал в «Асахи», был корреспондентом газеты во Владивостоке, в Берлине, в Лондоне и оставил редакцию в 1931 году. С тех пор имя его не появлялось на газетных страницах. Что сталось с ним, никто не знал да и не интересовался.

Однако журналисты все же нашли конец оборвавшейся нити. В Японии существует традиция: в канун Нового года посылать не только родным и друзьям, но и всем сколько-нибудь знакомым поздравительные открытки. И почта начиная со второй половины декабря завалена новогодними посланиями и рассылку их заканчивает обычно лишь к началу февраля. Учреждения тоже посылают новогодние открытки всем своим нынешним и бывшим сотрудникам. И газетчикам пришла в голову мысль поискать адрес Накахира в том отделе редакции, который отправляет эти поздравления.

Они пошли по верному пути. Традиция оказалась исключительно прочной: тридцать два года подряд каждое 30 декабря в токийский адрес Накахира посылались поздравления, хотя он ни разу на них не ответил. Так стал мне известен адрес человека, который беседовал с Лениным. Казалось, все трудности позади: если Накахира жив, я буду первым, кто восста-

— Накахира? Нет, не знаем.

— А кто он такой, этот самый Накахира? — в свою очередь, спрашивали меня.

Тогда я переключился на прачечные. В Токио их так же много, как и лавок. В седьмой или восьмой прачечной мальчишка-рассыльный, во все глаза рассматривавший меня, переспросил:

— Накахира?

— Да. Накахира,— сказал я без всякой надежды.

— А вон...— И показал мне дом.— Вон где он живет...

Признаюсь, сердце мое было не на месте, когда я поднимался на второй этаж по узкой железной лестнице, ведущей прямо с улицы к двери квартиры № 503.

Ноябрь 1917 года. Владивостокский корреспондент «Осака Асахи» Рё Накахира, хорошо понимавший по-русски, жадно ловил все, что вокруг говорили люди о революции, о Ленине, о большевистской власти, все, что сообщалось из революционного Петрограда, и ежедневно отправлял в редакцию пространные телеграммы. Пусть не полностью, пусть в тексте комментария какого-нибудь редакционного обозревателя телеграммы Накахира находили место на газетной полосе. «Вся Россия требует мира,— говорилось в одной из статей «Осака Асахи» от 30 ноября 1917 года.— Призывы к миру все громче раздаются сейчас в России. Если Совету Народных Комиссаров удастся добиться мира, он обретет в стране исключительное влияние». «Коммуни-

стические теории Ленина и идея заключения перемирия соответствуют нынешним чаяниям русского народа,— писала газета две недели спустя.— Поэтому на русской политической арене нет сейчас людей, равных Ленину». Такие выводы вынуждены были делать обозреватели «Осака Асахи», анализируя сообщения из Советской России, в том числе и телеграммы Накахира.

Весной 1919 года молодое Советское государство со всех сторон сжали фронты белых и интервентов: с востока наступал Колчак, с юга — Деникин, с запада — Юденич и белополяки, с севера — интервенты и белые, и кое-кому в антантовских столицах стало казаться, что дни Советской власти сочтены. В газете «Осака Асахи» пришли к такому же выводу. Редакция очень хотела иметь корреспондента — очевидца гибели большевиков. И в мае 1919 года Накахира было предложено пробраться в Москву. Накахира понимал, конечно, как сложно, опасно для японского корреспондента путешествие в столицу Советской России, обложенной войсками белых и интервентов, в том числе и японскими войсками. Но желание журналиста увидеть страну большевиков собственными глазами победило его колебания.

Омск, куда приехал Рё Накахира, тонул в июньском зное, по улицам маршировали колчаковские солдаты, пестрая толпа суетливых беженцев угодливо уступала дорогу офицерам в американских, английских, французских, японских мундирах.

Миновав шеренгу автомобилей колчаковских министров и иностранных послов, Накахира вошел в огромный вестибюль Управления Омской железной дороги. Здесь находилась ставка Колчака, и здесь Накахира должен был получить письменное разрешение на следование дальше, к фронту. Накануне Рё Накахира долго беседовал с офицерами японской миссии. Они предостерегали его от поездки в Советскую Россию: там людей косит тиф, а оставшихся в живых добивает голод. Еще говорили они, что народ там вот-вот поднимется против большевиков, которых ненавидит, и тогда вместе с белыми войсками Накахира сможет попасть в Москву. Работники миссии даже познакомили Накахира с деникинским офицером, которому удалось добраться в Омск через Москву. К рассказам японцев он добавил такие подробности «зверств большевиков»: они и сжигали раненых и закапывали живыми в землю женщин и детей в городах и деревнях, оставленных белыми. Накахира был тверд в своем решении ехать в Москву.

Долго блуждал Накахира по коридорам, разыскивал нужный ему отдел колчаковской ставки. Он оказался в просторной комнате, где генералы, сверкая аксельбантами и лампасами, ожидали приема «верховного правителя».

— Черт знает что творится! — услышал Накахира. Он оглянулся: говорил высокий лысый генерал с узким болезненно-желтым лицом.— Представьте себе, вчера, когда солдат отправляли на фронт, несколько негодяев начали орать: «Против кого воюем?! Айда по домам, большевики землю дали!..»

— Безобразие! Вешать надо! — перебил кто-то генерала.

— Я приказал расстрелять их.

— Правильно, генерал! Но не расстреливать — вешать надо.

— А у меня, знаете, солдаты посрывали погоны,— вмешался третий.

— Я и говорю: вешать надо!

Мысли, противоречившие одна другой, теснились в голове Накахира, когда он, получив пропуск, уезжал из Омска в Пермь, чтобы там перейти линию фронта и, сдавшись советским властям, просить содействия в поездке в Москву.

Утром первого июля Накахира проснулся в номере пермской гостиницы оттого, что где-то неподалеку разорвался снаряд. Красные подходили к городу. А в полдень он увидел их из окна гостиницы. Рё Накахира был в Советской России.

Накахира взмок от страха, когда, выйдя из гостиницы, стал медленно приближаться к группе красноармейцев, расположившихся на мостовой. В ушах все еще звучал голос деникинского офицера, рассказывавшего в Омске о «зверствах красных». В эту минуту к красноармейцам подъехал на коне, судя по форме, командир. Он что-то весело сказал им, кого-то хлопнул по плечу и перед тем, как тронуть лошадь, пожал красноармейцам руки. «Генерал, а запросто разговаривает с солдатами. Как с равными! А они смеются его шуткам, словно товарищи ему!» — поразило Накахира. Он уже смелей подошел к красноармейцам.

Вопрос «Как пройти в комендатуру?», заданный по-русски, но с явным акцентом, привлек внимание к Накахира всех красноармейцев. «Кто ты?», «Откуда?», «Как живут в Японии рабочие?», «Есть ли у вас большевики?» — наперебой спрашивали красноармейцы. А потом проводили Накахира к командиру. Прощаясь, сказали: «Смотри, напиши правду о нас!»

Командир внимательно выслушал Накахира и расхохотался, когда тот передал ему омские рассказы о большевистских «ужасах».

— Наши враги — капиталисты и помещики. Их мы действительно уничтожаем, если они не сдаются и воюют против нас. Рабочие и крестьяне, переходящие от белых на нашу сторону,— это не пленные, это наши друзья, которые освободились от гнета капиталистов и помещиков,— чуть торжественно сказал командир.

Он выписал Накахира на листке из блокнота пропуск, и японский журналист мог ехать в глубь Советской России.

Но не далеко от Перми отъехал Накахира. Разъезд красноармейцев задержал его.

— Шпион. В расход,— коротко бросил начальник разъезда, когда, обыскав Накахира, обнаружил у него карту и колчаковское разрешение на проезд к линии фронта. Так и закончилось бы здесь, в окрестностях Перми, путешествие корреспондента «Осака Асахи» в страну большевиков, если бы в последнее мгновение он не крикнул:

— Ленин знает газету «Асахи»! Дайте ему телеграмму, сообщите ему о моем приезде!

Красноармейцы, тащившие Накахира прочь с дороги, разом остановились и опустили оружие.

— Я еду к Ленину, он ждет меня! — продолжал выкрикивать Накахира, заметив, как сразу потеплели суровые лица начальника разъезда и красноармейцев.

Как ни наивна была уловка Накахира, но имя Ленина возымело магическое действие. Японца вернули в Пермь.

Комендант города, допросив корреспондента, строго взглянул на него:

— В победу мировой революции веришь?

— Верю! — закивал Накахира.

— Ну, тогда поезжай.

...Я впитывал каждое слово, сказанное Накахира. Он поднялся и зашагал по маленькой комнатке от стены к стене. Я видел, как его глаза возбужденно заблестели, слышал, как окреп его голос — в нем, должно быть, пробудился тот самый Накахира девятнадцатого года. Во всяком случае, таким я его себе представил.

Это был уже не тот сгорбленный, поникший японец, который открыл мне дверь, когда я нажал кнопку звонка под цифрой 503. На застывшем, как маска, лице, перепаханном тяжелыми морщинами, жили только глаза. Они настороженно смотрели на меня из глубоких впадин, словно ощупывали всего. «Что нужно здесь иностранцу?» — говорил его взгляд.

Не сразу прошли настороженность и удивление. Потом, когда мы разговорились, когда я рассказал, как долго разыскивал его, этот всеми забытый и, видно, давно замкнувшийся в себе человек даже обрадовался неожиданной возможности снова, спустя более сорока лет, пережить, быть может, самое значительное, что было в его жизни.

— Какая сила заключена в имени Ленина? — раздумывал я, трясясь на попутной телеге по дороге из Перми,— вспоминал Накахира.— Чем сумел он завоевать сердца людей? Я должен обязательно увидеть Ленина! — решил я. Но прошел год, прежде чем я встретился с Лениным.

Об этом годе, полном лишений и опасностей, необычайных событий, самых неожиданных встреч, и рассказывал Накахира голосом, обретшим бодрость и энергию, которые трудно было предположить в нем. Он много ездил и все, что видел и слышал, заносил в блокноты. В чемодане хранились почти два десятка мелко исписанных блокнотов. Потом, по возвращении в Японию, эти заметки дали ему возможность написать серию репортажей, которую Накахира назвал «Путешествие в Красную столицу. Рабоче-крестьянская Россия моими глазами».

Я читал репортажи Накахира. Японский корреспондент метко подмечал то новое и великое, что принесла революция, хотя в первые недели пребывания в Советской России он упорно старался не замечать грандиозных преобразований — об этом корреспонденции из Москвы свидетельствуют тоже. Он понимал, что от него ждут статей, очерков о близком крахе большевиков. Но как поначалу ни старался он найти приметы краха, их не было. И блокноты заполнялись совсем не теми фактами, какие хотели получить в «Осака Асахи».

Эпидемия тифа, вспыхнувшая в Москве, не обошла и Накахира. Когда он оправился от болезни, но был еще слаб и истощен, его отправили в санаторий, находившийся в окрестностях Москвы. Три месяца отдыхал он там. В одном из репортажей Накахира так писал об этом первом советском санатории: «Рабоче-крестьянское правительство вовсе не принуждает работать людей, лишившихся трудоспособности. Более того, оно старается оказать им внимание и поддержку. Санаторий, куда я попал, как раз и является учреждением, созданным для этого. Люди отдыхают здесь после болезни за счет правительства».

Многое поразило Накахира в санатории. И то, что он разместился в конфискованном помещичьем доме с роскошной мебелью, и то, что отдыхавшие в нем далеко не все члены партии большевиков. Особенно запомнилось Накахира рукопожатие молодой сестры милосердия, которая встретила его, японца, возгласом: «Вот замечательно! Теперь наш санаторий станет интернациональным!»

Этот маленький эпизод вспоминался ему потом, когда он сталкивался с проявлением в Советской России равенства всех национальностей и рас. Накахира писал:

«Знаменитый лозунг Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал девизом рабоче-крестьянского правительства. Его видишь всюду: на обложках книг и на денежных знаках, на официальных бланках и на стенах домов. Вместе с ним — вездесущая пятиконечная звезда».

Японский журналист, оказываясь на многолюдных митингах и собраниях, в агитпоездах и на агитпароходах, удивлялся совершенно необычным формам обращения большевиков к народу. Но затем убедился, что прямой и ясный язык, которым они разговаривали с массами, и был единственно правильным, и потому массы верили большевикам и шли за ними.

Накахира так описал агитпароход «Красная Звезда», на котором он побывал:

«Этот выкрашенный в красную краску и оклеенный плакатами с рисунками и стихами, высмеивающими капиталистов и помещиков, пароход плавает по Волге, надолго останавливаясь у городов и больших сел. В салоне каждый день собираются окрестные жители и слушают лекции, смотрят кино. На пароходе продаются книги, журналы, газеты. Они быстро раскупаются, потому что правительство установило низкие цены на них. Вообще спрос на книги очень велик. Особенно трудно достать сочинения Ленина».

Он спросил комиссара с «Красной Звезды»:

— Вы, наверное, думаете сагитировать за Советскую власть и другие народы?

И услышал в ответ:

— Да, конечно. Но главной пропагандой социализма будут не брошюры и речи, а само Советское государство.

«Рабоче-крестьянское правительство считает, что для осуществления идеалов коммунизма необходимо вообще просвещение народа, и прилагает все силы для этого»,— писал Накахира, заключая корреспонденцию «Великое стремление к просвещению», в которой он рассказал и об агитпароходе, и о школе, где бородатые мужчины усердно учили азбуку, и о сельской читальне, открытой в бывшем помещичьем доме, и о театре, в котором зрители — рабочие, крестьяне, солда-

СЛАВА НАРОДУ, ПАРТИИ, ЛЕНИНУ!

Слова А. ЖАРОВА.

Музыка Е. СКЛЯРОВА.

К берегу счастья корабль приплывает,
Солнечный свет различает моряк...
Всем, кто за мир на земле выступает,
Партия Ленина — верный маяк!

Припев:

Слава народу и партии слава,
Ленину — слава в веках!
Слава народу и партии слава,
Ленину — слава, слава в веках!

Партия Ленина мудростью светит
Братьям и сестрам всех рас и племен.
Вечному миру на нашей планете
Доблестный подвиг ее посвящен!

Припев.

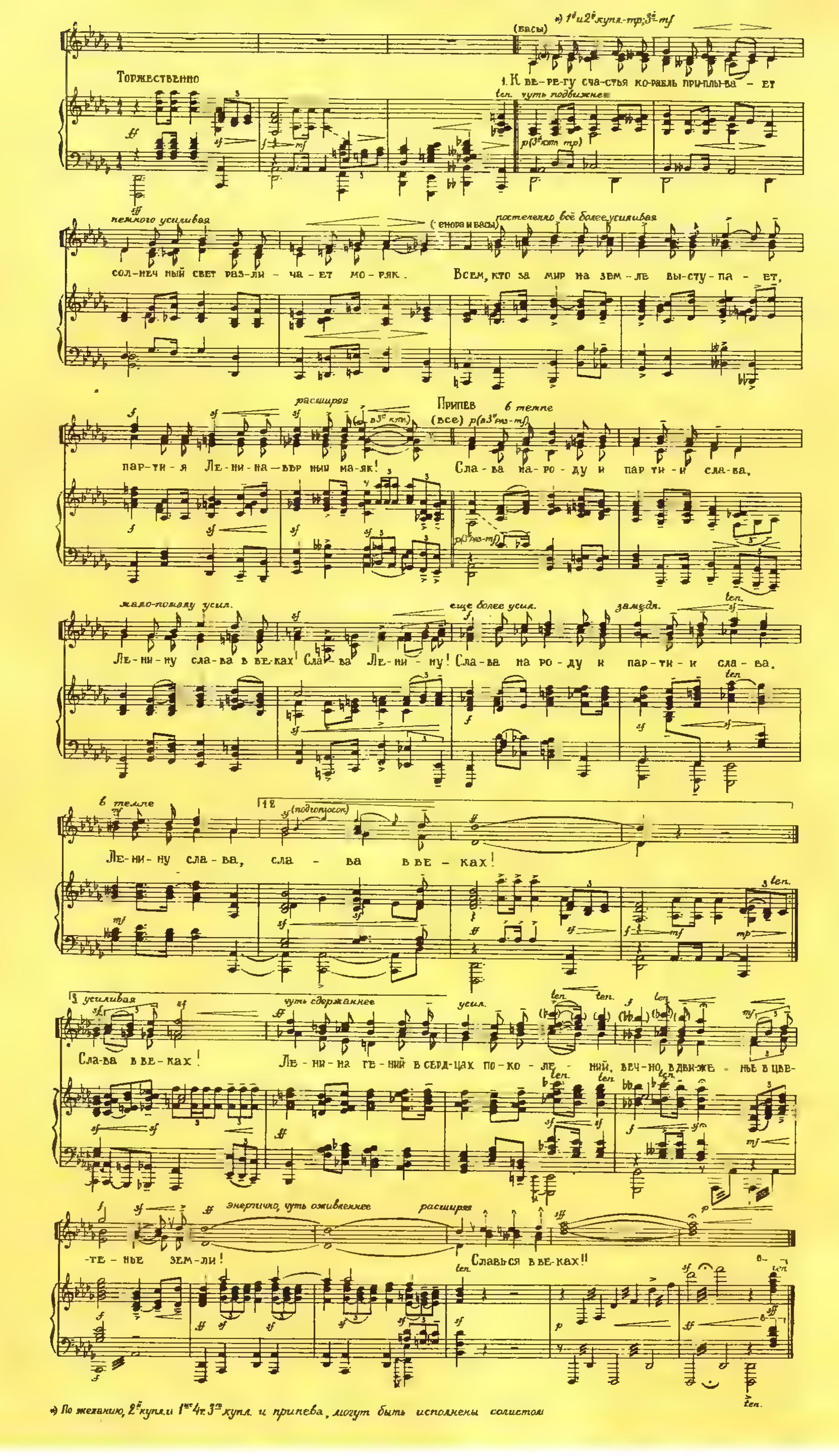
Партия Ленина сердце сверяет
С сердцем твоим, богатырский народ.
Партия путь в коммунизм озаряет...
К новым свершениям! Полный вперед!

Припев:

Слава народу и партии слава,
Ленину — слава в веках!
Слава народу и партии слава,
Ленину — слава, слава в веках!

Ленина гений — в сердцах поколений,
Вечно в движенье, в цветенье земли!

Славься в веках!

ты — были так захвачены действием на сцене, что не замечали зябнущих в нетопленном зале рук и ног.

В своих восьми письмах из Москвы Рё Накахира рассказал об энтузиазме людей, работавших на первых субботниках, изобразил яркую картину переезда рабочих семей из темных, сырых подвалов в просторные квартиры богачей. Накахира приложил много стараний, чтобы читатели поняли: лозунг революции — «кто не работает — тот не ест» — хотя и суров, но справедлив. Репортажи закончил он словами: «Возвращение к царизму немыслимо».

— Понимаете,— остановился передо мной Накахира.— Это было логическим следствием из всего того, что я видел, чему был свидетелем. Больше того, это было для меня открытием. И тогда я окончательно понял, что иностранная интервенция в Советской России обречена на провал, что война против власти рабочих и крестьян бесцельна.

Уже сейчас, в Москве, я узнал, что в феврале 1920 года японские солдаты, воевавшие против отрядов Красной Армии и партизан на Советском Дальнем Востоке, читали листовку, в которой говорилось:

«Мы были счастливы, когда узнали, что уже есть сознательные японские солдаты, которые отказываются продолжать эту несчастную войну. Настал момент, когда японский солдат должен показать, желает ли он оставаться рабом, наемным полицейским капиталистов или он желает быть свободным человеком. Настал час возвращения японского крестьянина к своему мирному труду, к добрососедским отношениям с Великой Советской социалистической республикой».

Эту листовку написал Рё Накахира. И, читая ее, я вспомнил слова, сказанные мне Накахира в тот апрельский день в Токио.

Накахира старался как можно больше увидеть и узнать в Советской России. Но главное желание — взять у Ленина интервью — ни на минуту не покидало его.

«Можно ли увидеть Ленина?» — задавая этот вопрос заведующему восточным отделом Народного комиссариата иностранных дел, Накахира почти не надеялся на положительный ответ. Это был июнь 1920 года — время борьбы с Врангелем и белополяками. И был удивлен, услышав: «Отчего же? Можно». А на следующий день Рё Накахира вместе с корреспондентом газет «Осака Майнити» и «Токио

У памятника в Мурманске

Владислав ШОШИН

Ни двора, ни кола
За Туломой и Колой,—
Голь рыбацкая шла
По дороге тяжелой.

Неистоптанный мох —
Где тут счастья подкова?
...Грудь открыло, как вздох,
Революции слово.

Край воды и беды
Поднимается новью
И у кольской воды
И на терском становье.

И, вдыхая работ
Воздух круто бодрящий,
Ленин вечно живет
Над страною неспящей.

Нити-Нити» Кацудзи Фусэ, приехавшим к тому времени в Москву, был принят Лениным.

Накахира не помнит точно, было это третьего июня — дата, которой помечено его интервью в «Осака Асахи»,— или четвертого июня, как об этом писал Фусэ. Однако самую встречу с Лениным он запомнил хорошо.

Ленин принял японцев в своем кабинете в Кремле. Он крепко пожал им руки, усадил в кресла у стола, сел сам, просто и непринужденно подпер рукой голову, и это разом сняло с корреспондентов натянутость. Накахира казалось, что он пришел не к вождю революции, о котором говорил весь мир, а к давнишнему другу.

Ленин первым начал задавать вопросы, проявляя особый интерес к жизни японских рабочих и крестьян. Он участливо расспрашивал Накахира о его путешествии по Советской России. Ленин внимательно выслушал впечатления японца о том, что тот видел, спрашивал и снова слушал, потом сказал, как важно сообщит японскому народу правду о Советской России.

Ленин обратился к Фусэ. Он буквально засыпал японца вопросами: «Каково у вас положение безземельного крестьянина? Как и сколько он платит помещику? Какие у вас помещики? Сколько десятин у среднего и у крупного? Имеются ли крестьянские организации?» Фусэ едва успевал отвечать.

— А вы сами из какого класса? Интеллигент? — спросил вдруг Ленин.

— Я сын мелкого помещика,— ответил Фусэ.

— То есть? Сколько же десятин у вашего отца? — допытывался Ленин.

Корреспондент сказал, сколько. Оказалось, несколько десятков десятин.

— Позвольте, позвольте,— живо возразил Ленин,— так это совсем не мелкий помещик. Для Японии это уже средний, почти крупный землевладелец. Значит, вы буржуа.

И на смутившегося японца снова посыпались вопросы об электрификации Японии, о системе образования, о внутренних ресурсах страны.

— Правда ли, что у вас никогда не наказывают детей, не бьют их? Я об этом где-то читал,— спросил Ленин.

— Да, у нас не бьют детей,— сказал Фусэ.— У нас своего рода культ детей.

— Тогда вы не только счастливый, но и великий народ,— заметил Ленин.— От этого варварского пережитка применять в воспитании наказание не избавились даже так называемые передовые страны Европы.

Он немного помолчал и вдруг живо, с хитрецой спросил снова:

— И так-таки у вас в Японии даже шлепка детям не дают?

— Исключения, конечно, бывают, но, как правило, мы никогда не бьем детей.

— Да, это замечательный народ, это настоящая культура!— заключил Ленин.

Корреспонденты раскрыли блокноты и начали спрашивать сами. Отвечая им, Ленин говорил:

— Я смотрю оптимистически на будущие отношения Советской России и Японии, несмотря на все то, что произошло за последние годы, несмотря даже на непримиримую позицию некоторых кругов Японии к нам.

Вы интересуетесь, сколько лет понадобится нам на переход от капитализма к социализму? — Ленин вышел из-за стола, прошелся по кабинету и остановился у кресел, где сидели журналисты.— Трудно определить срок. Чтобы свергнуть старый строй, не надо много времени. Но создать новый строй в короткое время невозможно. Мы приступили к осуществлению плана электрификации промышленности и земледелия. Без электричества коммунистический строй неосуществим. А наш план электрификации составлен на срок в десять лет при самых благоприятных условиях. Вот это — наш минимальный срок для создания нового нашего строя.

Следующий вопрос задал Фусэ. Он спросил:

— Где коммунизм может иметь больше шансов на успех, на Западе или на Востоке?

Ленин ответил:

— Настоящий коммунизм может иметь успех пока только на Западе. Однако ведь Запад живет на счет Востока. Европейские империалистические державы наживаются главным образом на восточных колониях, но они в то же время вооружают и обучают свои колонии, как сражаться, и этим Запад сам роет себе яму на Востоке.

На последний вопрос журналистов, каковы ближайшие задачи Советского правительства, Ленин ответил коротко:

— Во-первых, побить польских помещиков, во-вторых, добиться прочного мира, в-третьих, развивать нашу хозяйственную жизнь.

Покидая Кремль, японские корреспонденты сказали сотруднику Народного комиссариата иностранных дел, присутствовавшему на беседе:

— Собственно говоря, кто кого интервьюировал? Он нас или мы его?

На другой день Рё Накахира принес свой текст интервью Ленину. Тот внимательно прочел его, сделал несколько поправок, вычеркнув или изменив такие выражения, как «Ленин решил...», «Ленин отказался...».

— Один Ленин ничего не решает и ни от чего не отказывается,— сказал он.— Все вопросы решает рабоче-крестьянское правительство.

В редакции газеты «Осака Асахи» в то время не было людей, понимавших по-русски. Накахира же не знал английского языка. На выручку пришли сотрудники Наркомата иностранных дел, которые перевели текст интервью на английский язык и даже передали его в Японию по наркоматскому беспроволочному телеграфу. В редакции, получив интервью на английском языке и по телеграфу от советского учреждения, отнеслись к нему с недоверием и от публикации воздержались. Только после того, как десятого июня 1920 года газета «Токио Нити-Нити» поместила текст интервью Фусэ, решилась и «Осака Асахи» опубликовать материал Накахира. Это произошло лишь тринадцатого июня.

После возвращения из России Накахира проработал в газете еще одиннадцать лет, побывав в качестве ее корреспондента в Берлине и Лондоне. В 1931 году, когда хозяева «Осака Асахи» и «Токио Асахи», следуя за монархо-милитаристской кликой, готовившейся к агрессии в Китае, резко положили руль вправо, Накахира ушел из газеты.

* * *

Рё Накахира закончил рассказ. Но меня мучил еще один вопрос, и я задал его:

— Где рукопись вашего интервью с пометками Ленина?

Ответ неутешительный: рукопись вместе со многими другими документами и фотографиями погибла в годы минувшей войны.

Я оглядываю тесную комнату, где мы беседуем. В каждом предмете — лампе без абажура, помятом чайнике, ноже со сломанной ручкой — сквозит нужда. Забытому всеми Накахира трудно и морально и материально. Накахира серьезно болен, а в семьдесят лет любая болезнь переносится тяжело. Он пишет под псевдонимом статейки в мелких газетах — это единственный источник дохода, так как пенсии он не получает. Но даже для этих газет писать ему теперь трудно: и годы не те, и силы забирает большая книга, которую Накахира торопится закончить. Она называется «Параллельный очерк дипломатии СССР и США».

Накахира придвигает ко мне набросок очередной главы, и я читаю ее план: «Мирное сосуществование — не тактический лозунг, а основа внешней политики Советского государства. Египет — Сирия — Ливан. Кубинский кризис. Борьба СССР за запрещение ядерных испытаний».

— Я не стал идейным сторонником коммунизма ни тогда, когда был в вашей стране, ни теперь,— говорит Накахира.— Но я всю жизнь старался быть честным и хочу честным умереть. Своей книгой о советской внешней политике я хочу лишь показать людям, что те, кто сейчас искренне стремится навсегда исключить войну из жизни общества, еще в 1917 году, придя к власти, требовали: «Мир — народам».

Тепло прощаюсь с Рё Накахира.

— Большое спасибо,— растроганно произносит Накахира.— Спасибо, спасибо,— повторяет он.— Моя встреча с Лениным, мое интервью с ним — самое счастливое воспоминание в моей долгой жизни...

* * *

Получены из Москвы и отправлены в адреса Рё Накахира и Масао Майя экземпляры газеты «Известия», в которой я рассказал о человеке, взявшем у Ленина интервью, оставшееся неизвестным советским людям.

Однажды мне снова позвонил главный редактор сочинений Ленина Ясухико Кобаяси:

— Вы знаете, что на одном из конгрессов Коминтерна, где выступал Ленин, присутствовала группа японцев? Ленин беседовал с ними. Так вот, говорят, один из этих людей жив...

Может быть, мне посчастливится когда-нибудь найти этого человека. Я не теряю надежды.

Токио — Москва.

Сквозь даль

Николай КАТКОВ

Ночь нема,
как всадник у Невы.
Бегают огни.
Шипят афиши.
Как в начале века,
мост и львы...
Лишь походки ленинской не слышишь.

Но глазами победи пургу
И увидишь на январском фоне,
Как спешит Ильич.
Пальто в снегу,
И большое солнце на ладони.

В. Серов. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Д. Налбандян. В. И. ЛЕНИН И А. М. ГОРЬКИЙ НА КАПРИ.

На острове Капри

Я только что закончил картину Владимир Ильич Ленин и Алексей Максимович Горький на острове Капри.

Тему мне подсказал Горький. Я читал его воспоминания о встречах с Лениным на Капри, и казалось, сам присутствовал при этом.

Вот вышли они на берег моря, а рыбаки уже знают их, окружают, и идет беседа часами... .

Три года я работал над картиной. За это время трижды побывал в Италии. Мое внимание, естественно, в первую очередь привлек остров Капри в Тирренском море, близ Неаполя, где с 1906 по 1913 год жил Горький. Как известно, в 1908 и в 1910 годах А. М. Горького посетил на Капри В. И. Ленин. Владимир Ильич очень высоко ценил талант Горького, придавал большое значение его творчеству. Об их дружбе, об их встрече в Италии я и решил написать картину.

Поездка на Капри, знакомство с жизнью итальянских рыбаков, беседы с ними помогли осуществить мою мечту.

Очень интересной была встреча с 82-летним рыбаком Левинчи. Он помнит приезд Владимира Ильича, рассказывал мне, как возил Ленина на лодке.

До пятидесяти рисунков сделал я на Капри, они послужили мне рабочими этюдами будущей картины.

Во время пребывания в Италии мне посчастливилось встретиться с руководителем Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго. Мы беседовали об искусстве живописи, театра, о музыке.

Я рассказал ему о своем замысле. И Луиджи Лонго отметил большое интернациональное значение этой темы.

Д. НАЛБАНДЯН

А. Саханов. ИЛЬИЧ.

М. Е. КАТУКОВ, маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза

Традиции, названия...

О традициях много теперь пишут. Я военный человек. Традиции в нашем понимании — это установившиеся правила, порядки и обычаи в нашей военной семье, в боевых частях и соединениях. На этих традициях воспитывается молодое поколение.

В боях с группой Гудериана в октябре 1941 года наша танковая бригада в течение семи суток дралась с превосходящими силами врага. Один советский воин дрался с десятью гитлеровцами и победил. Враг был остановлен под Мценском, понес огромные потери и не прошел. Наша бригада стала Первой гвардейской танковой бригадой в истории Советской Армии. Нашей традицией было: **Где обороняется гвардия—враг не пройдет; Где наступает гвардия—враг не устоит; Ты дерешься за правое дело, за Советскую Родину, будь стоек, дерись против десятерых, и ты победишь; Взаимная выручка в бою. Все за одного, один за всех; Увидел товарища в беде—не жди просьбы, окажи ему помощь всем, чем можешь. Застрял с машиной — вытащи. Надо дать горючего—дай. Поделись куском хлеба; Не считай врага глупым, будь бдителен, будь начеку.**

Эти заповеди знали все бойцы и офицеры. Их строго соблюдали и передавали новому пополнению, приходившему в наши ряды.

Воспитательная роль традиций, их действенная сила чрезвычайно велики. Некоторые из них передаются из поколения в поколение в течение многих веков. Например, учрежденные Петром I первые полки сохранили свои знамена и имена до Октябрьской социалистической революции.

Военный писатель, генерал-лейтенант Советской Армии А. А. Игнатьев в своей книге «50 лет в строю» писал, что служил в полку, где служили его прадед, дед и отец. Полк этот был их семьей. Славным именем своего полка гордились и берегли его славу.

Великий Октябрь, разумеется, породил новые традиции. Но всегда ли мы их храним?

У нас, мне кажется, была допущена ошибка в период Великой Отечественной войны. Многие полки и дивизии, прославившиеся в гражданской войне и в боях с иностранными интервентами, получив звание гвардии в Великой Отечественной войне, теряли свои исторические имена, получали новые. Лучше было бы к старому номеру прибавить слово «гвардейская», сохранив известные народу имена прославленных частей.

В Первой танковой гвардейской бригаде был зенитный артдивизион. И вот когда к нему добавили пятую батарею, превратили в зенитный артполк и дали новый номер, то дивизион перестал уже быть гвардейским. Сколько я ни писал, прося устранить несправедливость, просьба не была уважена. Почему? Потому что номер, видите ли, изменился. А люди? Людей не приняли во внимание.

Иногда в честь государственного деятеля у нас меняют названия древних городов, названия, прочно вошедшие в историю и память нашего народа.

Несколько лет назад, будучи по делам службы в Новочеркасске, я зашел в музей истории Донского казачества. Там мне рассказали, что в конце 20-х или начале 30-х годов нашего столетия властями был снят памятник Матвею Ивановичу Платову и перелит в металлолом. Почему? Платов — соратник Суворова, Кутузова и Багратиона.

Ко мне обратились казаки с просьбой походатайствовать, чтобы рядом с Ермаком поставили памятник и Платову. Я принял их просьбу близко к сердцу и обратился к маршалу С. М. Буденному и генералу армии И. В. Тюленеву. Мы написали просьбу в Ростовский обком КПСС о восстановлении памятника Платову. Позже я сам зашел в обком. Секретарь обкома (он был родом из станицы Морозовской) встретил меня дружески. Но сказал: «Письмо ваше получили, только вот какое дело. Собирать деньги на памятник неловко, а государственные деньги не имеем права тратить».

Я думаю, однако, что беду можно поправить: на памятник Платову казаки деньги соберут.

Отдыхал я в 1960 году в Болгарии. Мой дед Епифан был солдатом, служил у Скобелева. Был на Шипке, под Плевной, на Зеленых Горах и там участвовал в боях. Я все эти места объехал. Где были бои русской армии, везде стоят памятники русским воинам. Их сотни, и все они содержатся в порядке. Болгары свято чтят память русских воинов, отдавших свою жизнь за освобождение Болгарии от иноземного ига. Болгары знают имена русских героев. Напечатаны альбомы с портретами, описаны их подвиги. В Софии, в городском парке, есть памятник, единственный в мире: он поставлен погибшим медикам русской армии. Памятник сложен из ровных камней, и на каждом камне — имя погибшей медсестры, фельдшера, врача.

Есть такие места и у нас в России. В честь полков и дивизий, сражавшихся на Бородинском поле в 1812 году, сооружены памятники нашими предками. Там же похоронен вместе с боевыми товарищами — русскими солдатами — и славный полководец Багратион. В Ленинградском Эрмитаже есть портретная галерея военачальников русской армии, участвовавших в Отечественной войне 1812 года.

Советский народ, одетый в серые армейские шинели, совершил величайший подвиг в Отечественной войне 1941—1945 годов. Он отстоял свою Советскую Родину, завоевания революции. Руководимый Коммунистической партией, он разгромил гитлеровскую фашистскую армию. Миллионы советских людей отдали жизнь в борьбе с сильным и коварным врагом; одни погибли в боях и сражениях, других замучили в гестаповских застенках, в концлагерях смерти. Живые должны помнить о них. Мы должны поставить памятники везде, где шли ожесточенные бои и сражения: в Подмосковье, на волоколамском и клинском направлениях, под Наро-Фоминском, под Каширой и Тулой, Орлом и Мценском, под Вязьмой и Ельней, на Курской дуге, под Волгоградом и Ленинградом, Севастополем и Одессой.

Ни один советский человек не откажется внести на это благородное дело свою посильную трудовую лепту. Мрамор, гранит и другие материалы у нас есть. Умельцы найдутся. Композицию и эскизы надо обсуждать не келейно, в среде скульпторов и архитекторов, а широкой общественностью, в том числе и военной.

Думая о том, какими должны быть памятники героям войны, мы должны не отходить от исторической правды и не перекраивать историю в угоду отдельным личностям.

О Героях Советского Союза. В стране их всего 11 тысяч, а в живых осталась примерно треть. Их подвиг должен быть увековечен особо. Так же, к примеру, как увековечен подвиг георгиевских кавалеров, чьи имена выбиты на белом мраморе в зале Кремлевского дворца. Где это сделать? Лучше всего, на мой взгляд, в Кремле, во Дворце съездов. Раз в пять лет я бы собирал всех Героев на праздник Победы в Москву. Остальные годы — в столицах тех республик и областей, где они теперь живут и работают.

Особой памяти заслуживают и полные кавалеры ордена Славы. Может быть, их портреты войдут в галерею славы вместе с портретами Героев Советского Союза и выдающихся военачальников Великой Отечественной войны.

Всю эту работу, по моему мнению, может возглавить Дом Советской Армии в Москве при непосредственной помощи Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота и Исторического отдела Генерального штаба.

Мы, участники Великой Отечественной войны, в большинстве своем принадлежим к поколению, уходящему из жизни. Мы можем только завещать молодым:

— Помните о 22 июня 1941 года. Берегите Советскую Родину!

Сталинград. Знамя Победы над площадью Павших борцов.

Фото Г. Зельмы.

Орловско-Курское направление. Довоевался...

Фото В. Кинеловского.

Год 1943-й

Воронежский фронт. Десантники под прикрытием танков сокрушают оборону гитлеровцев.

Фото А. Архипова.

1945

1965

ЧЕЛОВЕК С ЭКРАНА

С Петром Ивановичем Васяновичем мы познакомились давно. Я знал, что он машинист, водит пассажирские поезда, человек уважаемый.

Как-то я встретил Васяновича на улице. Он был очень взволнован.

— Что-то случилось?

— Вчера по телевизору показывали фильм про войну — «Крепость на колесах». Раньше я его не видел. И вдруг — на экране «Бронепоезд-56 действует»... Поверите, меня даже в жар бросило. Это же мой родной бронепоезд! Я на нем старшим машинистом служил. Думал, забыли о нас, а оно во-он как!

...Небольшой домик № 33 на тихой улице Бочкина в Гомеле. На столе — семейный альбом. Множество пожелтевших от времени фотографий. На некоторых из них — Васянович возле бронепоезда, рядом с боевыми товарищами. Вырезки из газет военного времени.

...«Доблестью в труде и отвагой в боях отмечен славный боевой путь двадцатипятилетнего железнодорожника, дважды орденоносца Петра Васяновича,— читаем в одной из них.— Вспоминаются тяжелые оборонительные бои 1941 года. Смело вел тогда на врага свой грозный бронепоезд № 56 комсомолец старший сержант Васянович. Особенно памятен неравный бой с 26 немецкими танками, блестяще проведенный всем экипажем бронепоезда. Потеряв половину танков, враг отступил. В другой раз немцы тяжелым снарядом повредили путь под бронепоездом. Васянович с приданной ему командой под вражеским огнем поднял бронеплощадку. Здесь он был тяжело ранен, однако продолжал командовать и вывел бронепоезд из-под обстрела...»

Но однажды товарищи отправились в боевой рейс без него. Накануне случилось вот что.

...Бронепоезд шел к Каневу. Впереди мост, и неизвестно, исправлен он или нет.

Петр обратился к капитану Ищенко:

— Разрешите выяснить, товарищ командир.

— Убьют тебя, кто бронепоезд поведет?

Но Васянович продолжал настаивать...

Получив наконец разрешение, Петр осторожно пополз к мосту. Осмотрел его. Путь поврежден, но проскочить все же можно. Там, за реверсом, его помощник,— он поведет. Но как сообщить, что надо ехать? Ползти назад — не успеешь, уже совсем светло...

Машинист принимает смелое решение. На какое-то мгновение он вскакивает во весь рост и машет рукой. Сразу же на него обрушивается шквал огня. Но Петр уже притаился за насыпью и прислушивается, идет ли бронепоезд? Да, идет!

Когда бронепоезд приблизился, Петр вскочил, схватился за поручни. Но резкий рывок бросил его вниз, под откос. На бронепоезде это заметили, но помочь ничем не могли. Посчитали Васяновича погибшим...

Но он не погиб. К вечеру, обессилевший, добрался до расположения наших частей. Там подсказали, где искать бронепоезд...

Залечил раны — и снова в строй, в железнодорожные войска. Бои под Москвой, Ростовом, битва на Волге, Курская дуга, Курляндская группировка...

Сейчас в Киеве живут бывшие члены экипажа бронепоезда № 56 Мартыненко, Гавриленко, Елизаров. Командир бронепоезда Петр Кириллович Ищенко недавно скончался.

М. ВАСИЛЕВИЦКИЙ

У памятника советским солдатам в английском секторе Западного Берлина.

РЕПОРТАЖ О ДВУХ ЧАСАХ

Генрих БОРОВИК, Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,

специальные корреспонденты «Огонька»

То, о чем вы прочтете здесь, заняло в жизни только два часа. Два первых часа из нескольких дней, которые мы провели в Западном Берлине. Это рассказ о том, с кем мы встретились за два часа, о чем говорили и что происходило вокруг нас.

Итак, утро. Десять часов. Вместе с корреспондентом АПН Львом Бурняшевым в его машине мы минуем контрольно-пропускной пункт на границе, отделяющей столицу ГДР от Западного Берлина, и оказываемся в английской зоне.

Первый пункт нашей поездки — здание рейхстага. Через несколько минут мы там.

Одновременно с нашей машиной к рейхстагу подкатил экскурсионный автобус. Из него вышли десятка два молодых людей и девушек. Их сопровождал худощавый, средних лет человек в очках. Человек давал пояснения, парни и девушки глазели на колонны, на полностью восстановленное южное крыло здания, на абстрактную скульптуру, которую не без ухмылки волокли в это самое крыло двое рабочих в синих комбинезонах. Потом экскурсия распалась на группки.

Мы подошли к одному из молодых людей, одетому в плащ, кожаную куртку и штаны-джинсы. Он стоял к нам ближе других.

— Корреспонденты из Москвы,— сказал Бурняшев, помогавший нам в беседе,— хотели бы задать вам несколько вопросов.

Парень не то чтобы вздрогнул, но подобрался. Однако не отступил и отвечать на вопросы не отказался.

Он учится в Штутгарте. В последнем классе школы. Весь класс приехал на экскурсию в Западный Берлин. Их сопровождает учитель — вон ходит.

Нас сразу же окружило человек десять приятелей и приятельниц нашего собеседника.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Значит, родились в последний год войны?

— Да, в январе.

— Ваш отец воевал?

— Да. Он был майором и погиб на фронте, в России.

— Что вы думаете о той войне?

Ребята, окружающие нас, как по команде, поворачивают головы то ко мне, то к своему товарищу. Сейчас все глаза устремились на него. Что ответит парень, у которого отец был майором,— значит, занимал немалую должность в армии, командовал многими людьми? А парень переступил с ноги на ногу, сунул руки в карманы, потом снова вынул и сказал:

— Что я думаю?.. Наверное, это было самое страшное время. Но народ втянули в войну нацисты...

— А что вы думаете о нацистах и вообще о фашизме?

Снова все, кто собрался вокруг нас, смотрят на парня. Парень чуточку бледен, и карманы кожаной куртки, куда он положил свои руки, натянуты — вот-вот кожа лопнет.

— Самое позорное время в нашей истории,— говорит он.

Я вижу, как учитель посылает кого-то из ребят к нашей группе. Паренек подбежал, послушал, сделал большие глаза и умчался к учителю. Краем глаза я вижу, как тот, выслушав гонца, спешно подходит к полицейскому в серой будке. Полицейский немедленно начинает куда-то названивать — в одной руке автомат, в другой — телефонная трубка.

— Вы согласны, что преследование фашистских преступников надо прекратить в мае этого года?

— Нет, не согласен,— говорит парень сразу. Видно, он думал об этом.— Ведь люди, которые погибли из-за этих преступников, будут лежать в земле всегда, а не двадцать лет.

— Ваши друзья думают так же?

Его друзья, окружающие нас, молчат. Никто из них не вмешивается в разговор. Никто не решается ответить.

Парень оглянулся на приятелей, будто оценил каждого, пожал плечами и сказал нерешительно:

— Многие. Но не все. Некоторых просто не интересует это.

— Что «это»?

— Ну, фашизм, война, преступники. Вообще политика.

— Есть ли среди ваших друзей такие, кто хочет войны?

— Нет, таких нет,— решительно замотал головой парень.

— Можно записать вашу фамилию и имя?— спросил я.

Ребята вокруг нас вытянули шеи, ожидая ответа.

Парень чуточку замялся, потом бросил взгляд на учителя — тот бежал к нам, был совсем уже близко — и сказал:

В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

— Если можно, прошу не делать этого. Вы понимаете, почему...

— Быстро, быстро! В автобус! Уезжаем!— раздался над ухом требовательный голос учителя.— Время!

Ребят как ветром сдуло. Они шли к автобусу, что-то горячо обсуждая на ходу. За ними семенил учитель. Он был явно встревожен. Через минуту вся группа была уже в автобусе. Дверь его захлопнулась.

Ну что ж, мы знали, что экскурсионное время рассчитано по минутам. Поэтому, сожалея несколько о прерванном разговоре и рассуждая о том, почему же все-таки этот хороший парень отказался назвать свою фамилию, мы пошли по направлению к памятнику советским солдатам, погибшим в боях с гитлеровцами в сорок пятом году, и через несколько сот метров оказались у караульного поста английских оккупационных войск в Западном Берлине.

Навстречу нам вышел огненно-рыжий сержант с огненно-красной широкой лентой через плечо поверх шинели и, остановив нас жестом уличного регулировщика, спросил, чего мы хотим.

— Пройти поближе к памятнику и сфотографировать его.

— Прошу пройти в сторожку и предъявить свои документы.

Сержант с красной лентой ввел нас в сторожку, где два других сержанта играли в карты, и вышел. Мы предъявили паспорта. Один из игроков, накрыв рукой карты, старательно вывел наши фамилии в большой бухгалтерской книге, лежавшей перед ним.

— Зачем вы записываете наши фамилии?— поинтересовался я.

Сержант пожал плечами — мол, полагается.

— Давно здесь служите?

— Два года,— охотно ответил сержант.—Скоро домой!—И улыбнулся простодушно.

— Значит, двадцатилетие будете справлять дома?

— Какое двадцатилетие?—не понял сержант.

— Победы над фашизмом!— пояснил я.

Сержант испуганно замолчал. Простодушная улыбка на его лице застыла.

— Разве вы не знаете о двадцатилетии?— удивился я.

Сержант деревянно кивнул.

— Что же вы по этому поводу думаете?

Сержант мотнул головой.

— Ничего.

— Как так — ничего?

Сержант положил на стол прилипшие к руке карты.

— Мне запрещено говорить о политике.

Выходя из сторожевого домика, мы увидели, как другой сержант схватил телефонную трубку и принялся набирать какой-то номер.

Через минуту около сторожевого поста бесшумно остановился зловещий автобус стального цвета с маленькими зарешеченными окнами. Из кабины выскочил стального же цвета западноберлинский полицейский в фуражке с высокой тульей. Из зарешеченных окон на нас пронзительным взглядом охотников, вышедших на крупную дичь, смотрело еще несколько стальных фуражек.

Человек из кабины подошел к нам кошачьим шагом.

— Вы журналисты?

— Да.

— Откуда?

— Из Москвы.

— Ага!— Лицо стального стража приняло торжествующее выражение.

— А кто из вас интервьюировал туриста из Штутгарта?

Я показал на себя пальцем.

— Зачем интервьюировали?

— Разве западноберлинская полиция это запрещает?— спросил Бурняшев не без ехидства.

— Вы записали интервью на магнитофон,— не то утвердительно, не то вопросительно, но с элементом угрозы произнес человек из полицейского автобуса.

— Да, но я записывал только перевод,— сказал я.

Полицейский сдвинул брови, очевидно, обдумывая следующий вопрос, но ничего не сказал, повернулся и нехотя направился в кабину, из которой только что вышел.

— Разве интервью в Западном Берлине запрещены?— еще раз вслед ему задал свой вопрос Бурняшев.

Человек, не ответив, влез в кабину. Автобус тронулся, обдав нас приторно сладким запахом отработанного бензина. Из зарешеченных окон на нас с деланным без-

Пограничник ГДР дает пояснения около карты Западного Берлина. Она испещрена условными обозначениями шпионских, реваншистских, фашистских организаций, нашедших себе пристанище в этом городе.

различием смотрели обладатели серых полицейских фуражек с высокими тульями.

Мы посмотрели в сторону рейхстага. Там все еще стоял туристский автобус, наполненный молодыми людьми, а на земле, поднявшись на цыпочки, вытянув шею, чтобы лучше видеть, смотрел в нашу сторону учитель.

В этот момент, пронзительно скрипнув всеми тормозами, около нас остановился английский «джип». Из него с ловким шиком вывалились с двух сторон два английских офицера «эм-пи» в мундирах хаки, фуражках с красным верхом, в ярко-желтых кожаных перчатках с гигантскими раструбами, напоминавшими раскрытые пасти удавов, которые уже по локоть заглотали руки храбрых офицеров. Сжимая своими удавами крохотные автоматические пистолеты без прикладов, англичане направились прямо к нам. Один из них держал перед собой в вытянутой руке какую-то иконку, как щит против нечистой силы. Офицер подошел вплотную ко мне и сунул иконку мне под нос. При столь близком рассмотрении она оказалась картонной табличкой, на которой печатными русскими буквами было изображено: «Придавите документы, паспорт или удостоверение лишности».

— Я говорю по-английски,— сказал я офицеру.— Может, изъяснимся устно?

Офицер мотнул головой, согнул руку с иконкой в локте и снова выпрямил. Наверное, это означало: «Еще раз говорю: придавите документы, паспорт или удостоверение лишности, а не то...»

— Но мы уже «давили» документы в этом домике,— сказал я,— и наши фамилии даже записывали в какие-то книги. Наши «лишности» только что проверяла западноберлинская полиция и, кроме того...

Но молчаливый офицер был непоколебим. Рука со странной табличкой все еще маячила перед моими глазами. Пришлось нам в который уж раз за сегодняшнее утро вычимать свои краснокожие паспортины. Второй офицер записал наши имена в блокнотик и, нарушив обет молчания, промолвил:

— Журналисты?

Мы молчали.

— Журналисты?— спросил офицер еще раз, и жила на его лбу вздулась.

Я вынул записную книжку, вырвал листок, нацарапал на нем слово «yes», что означает по-английски «да», и сунул листок под нос офицеру.

И тени улыбки не появилось на лице «эм-пи», а если бы и появилась улыбка, то, конечно, тут же была бы погашена чувством свирепой бдительности по отношению к нам. Другой офицер, записавший наши имена, уже сидел в «джипе» и вполголоса, так, чтобы нам не было слышно, докладывал что-то кому-то по рации.

Сей танец ведьм на Лысой горе сопровождал нас повсюду. Все время кто-то куда-то сообщал о нашем приезде, о нашем отъезде и о маршруте нашего следования. Заботливое око западноберлинской полиции, а также военных полиций союзных держав смотрело на нас не мигая.

Надо отдать им должное: они знали про нас все!

Например, около тюрьмы Шпандау, не скроем, мы тихо и преступно рассуждали между собой о том, как плохо придется нынешнему президенту ФРГ Генриху Любке, если военный преступник Альберт Шпеер, отбывающий последние месяцы наказания в Шпандау, вдруг после тюрьмы усядется за мемуары. Ведь в этих мемуарах бывшего главы гитлеровского ведомства вооружения должны появиться и страницы, описывающие деятельность Генриха Любке, который в свое время находился в подчинении у Шпеера и ведал строительным штабом «Шлем». А «Шлем» занимался созданием подземных заводов для производства «Фау-2». А «Фау-2» обстреливали, как известно...

Цепь наших логических умозаключений под сенью тюремной стены была прервана визгом тормозов и тремя людьми в фуражках знакомого стального цвета, вылезшими из легковой машины.

Как узнала полиция о наших греховных мыслях, ума не приложу!

Руководствуясь чувством человеколюбия и желанием дать западноберлинским полицейским возможность перекурить, мы отправились на Клей-аллее. На этой аллее расположены учреждения американской военной администрации. И среди ее многочисленных служащих есть пресс-офицер администрации мистер Фредерик Гаупт, который по предварительному уговору согласился нас принять.

Кабинет мистера Гаупта находился в середине длиннющего коридора, который начинался для каждого входящего сюда небольшим холлом, осененным огромным полотнищем государственного флага США.

Мистер Гаупт, одетый в штатское, встретил нас любезно, но настороженно.

— Чем могу служить?— спросил он так, чтобы мы поняли, что у пресс-офицера американской военной администрации есть куда более важные задачи, чем служить советским журналистам.

— У нас только два вопроса,— сказали мы, представившись.— Известно, что в американском секторе находится документационный центр, в котором хранятся личные дела нацистов, эсэсовцев, служащих СД и других подобного рода гитлеровских организаций. Эти документы вот уже двадцать лет хранятся в тоннелях, принадлежавших в свое время Герингу.

— Да, я знаю об этом,— кивнул пресс-офицер и раскурил замысловатую трубку.

— Так вот, первый вопрос наш состоит в следующем: как используются эти документы для разоблачения и поисков преступников, находящихся на свободе?

— Я не могу ответить вам на этот вопрос.— Офицер изобразил на лице сожаление.— Его надо задать людям, которые непосредственно руководят этим центром.

— Прекрасно. Как нам связаться с ними?

— Нет ничего проще,— с готовностью вымолвил Фредерик Гаупт и пыхнул трубкой.— Только для этого необходимо получить разрешение начальства из американской администрации.

— Долгая ли это процедура?

Пресс-офицер неопределенно развел руками.

(Забегая вперед, скажу, что позволения встретиться с людьми, которые непосредственно работают над документами в подвалах бывшего рейхсмаршала, мы не получили. На другой день оказалось, что американская администрация в Западном Берлине «за», но этого недостаточно: нужно разрешение какого-то более высокого начальства. Позже мистер Гаупт сообщил, что более высокое начальство тоже «за», но необходимо выяснить мнение американского посла в Бонне. Этого мнения нам уже не суждено было дождаться.)

— Тогда разрешите задать вам второй вопрос,— сказал я.— Двадцать лет назад американские солдаты и офицеры вместе со своими союзниками по второй мировой войне победили гитлеровский фашизм. Как американская военная администрация в Западном Берлине намеревается отметить эту великую дату?

Пресс-офицер радостно хлопнул себя по колену.

— Слава богу!—сказал он.—Второй вопрос не такой трудный, как первый. Он не требует согласований. Я с радостью дам на него ответ. Никак.— Он снова хлопнул себя по колену и повторил:— Никак. И, насколько я знаю, наши союзники —англичане и французы—тоже никак. Какие-то местные молодежные организации собирались устраивать демонстрации, но магистрат запретил.

— Но разве американская администрация считает, что двадцатилетие победы над фашизмом — рядовой день? Ведь за то, чтобы пришел этот день, положили головы миллионы людей!

Пресс-офицер посмотрел на меня удивленно.

— Американская военная администрация считает, что нет достаточных оснований как-то выделять эту дату... Что, собственно, произошло?

Гаупт улыбался. Видимо, ему доставляло удовольствие, что он смог ответить на наш второй вопрос вот так, прямо, без проволочек.

Мы снова ехали по улицам Западного Берлина, а за нами на почтительном расстоянии следовали отдохнувшие полицейские.

Мы снова подъехали к рейхстагу. Молча ходили вдоль здания и искали дорогие сердцу советских людей надписи, сделанные нашими солдатами, пришедшими в Берлин в мае сорок пятого.

Но надписей нет. Их соскоблили, счистили, смыли, как подчищают и скребут здесь историю.

Оспины от снарядных осколков и пуль аккуратнейшим образом залатаны, и светлые заплатки — как кусочки пластыря на сером лице.

И все же мы нашли! Честное слово, нашли! Надпись была сделана углем или, может быть, черной краской наверху, за колоннами, в вечной тени. Видимо, чудеса ловкости и смекалки проявил солдат, чтобы написанные им слова оказались выше других. И не без результата: сохранились слова! Мы вынули блокноты и переписали: «Барнаул — Берлин». И чуть ниже подпись: «Канавко». Не знаю, где вы сейчас, дорогой товарищ Канавко, но сообщаю: победная подпись ваша стоит на стене рейхстага, стоит целая и невредимая. И представляет она сейчас на этом здании всю нашу армию, тех, кто шел от Барнаула ли, от Казани ли, от Ставрополя... И тех, кто победил, не дойдя до Берлина.

Когда мы отъезжали от рейхстага, часы показывали двенадцать...

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—15.

Рисунок Г. Калиновского.

41

Это стало традицией. Каждое утро во время второго завтрака Отт приглашал Рихарда к себе, и за чашкой кофе они обсуждали последние новости. Как-то Отт сказал:

— Взгляни-ка, что прислали нам из японской контрразведки.— Он протянул Рихарду украшенный гербами официальный бланк письма.

Рихард взял бумагу, быстро пробежал глазами по строчкам.

— Насколько я понимаю, они хотят, чтобы германский электротехнический концерн «Сименс» продал им свое новейшее оборудование для радиопеленгации. Любопытно! Жаль, что не пишут, зачем оно им понадобилось.

— Им об этом просто стыдно говорить,— усмехнулся Отт.— Под большим секретом я недавно узнал от Доихары, что здесь, в Токио, вот уже несколько лет действует неопознанный передатчик. Контрразведка буквально с ног сбилась. Полковник Номура поседел и заработал на этом деле инфаркт. Его нещадно пинают на каждом совещании. Считают, что работает крупная разведывательная группа.

— Обычная японская шпиономания,— махнул рукой Рихард.— Убежден, что они принимают за разведчиков своих же радиолюбителей. В наш век желающих поболтать в эфире хоть отбавляй. Недавно мне кто-то рассказывал об одном таком полоумном из Гамбурга. Он собрал передатчик и ночи напролет слал в эфир одно и то же послание: три восьмерки. На языке радиолюбителей это означает: «Я вас люблю». Беднягу сцапало гестапо. Вытрясли из него всю душу. А он оказался обыкновенным шизофреником: решил объясниться в любви всему миру. В конце концов его упрятали за решетку по обвинению в симпатиях к коммунистам. Они ведь тоже могли принять его слова на свой счет.

— Вы неисправимый юморист, Рихард,— захохотал Отт.— Но японцы убеждены, что здесь что-то нечисто. Правда, никаких улик, кроме передач, у них нет. Но и одной этой вполне достаточно. Придется отправить письмо «Сименсу». В конце концов надо же помочь союзникам.

— Отправляйте, отправляйте, господин посол,— с нескрываемой иронией посоветовал Рихард.— Готов дать руку на отсечение: кроме двух-трех радиофанатиков, они никого не поймают в свои сети.

Про себя он подумал: надо обязательно предупредить Клаузена — пусть готовится к новым осложнениям.

42

«Мы стоим на своем посту и вместе с вами встречаем праздник в боевом настроении. Рамзай. 21 февраля 1939 года».

43

Первый сигнал тревоги подал Мияги.

— Я пишу портрет одного генерала Квантунской армии,— сказал он Рихарду.— Вчера генерал потребовал, чтобы я срочно закончил работу, потому что его отзывают из отпуска в Маньчжоу-го. Он намекнул, что предстоит такая же «работа», как в прошлом году на озере Хасан.

Потом позвонил Одзаки. Его голос даже в телефонной трубке звучал необычно взволнованно:

— Нам обязательно нужно встретиться, Зорге-сан!

Они встретились в книжном магазине на Минамото-мати. Магазин был большой, с антресолями, книги лежали на длинных полках. Рихард, как и Ходзуми, был постоянным покупателем, и на них уже не обращали здесь внимания. Они могли сколько угодно рыться на полках, перебирать и листать книги.

Они встретились в самом дальнем конце антресолей. Убедившись, что рядом никого нет, Ходзуми начал тихо рассказывать, листая томик стихов:

— Я позвонил вам сразу, как только вышел от принца Коноэ. Вчера вечером у него было совещание с руководящими деятелями армии. А сегодня утром он вызвал нас, группу экономических и финансовых советников, и предложил срочно произвести расчеты средств и материалов, необходимых на переброску войск в район Барги. Этот район расположен на территории Маньчжоу-го, у самой границы с Советской Россией и Монголией. Во время разговора принца по телефону я уловил названия — Буир-Нур и Халхин-Гол. Первое — озеро, второе — река, и оба на территории Монголии. Очевидно, готовится новая провокация.

— Вы должны сделать расчеты для переброски какого количества войск?— спросил Рихард.

— Сначала для одного пехотного и одного кавалерийского полков, потом для нескольких дивизий, танковых и артиллерийских частей, нескольких авиаполков... Эти масштабы меня и тревожат.

— Очень важная информация,— задумчиво сказал Зорге.— Держите меня в курсе всех новостей, даже самых незначительных.

В окружении принца, который в то время

занимал пост премьер-министра, находились два университетских товарища Одзаки: Усиба Томохико и Киси Митидзо. Это были очень осведомленные молодые люди, с которыми Одзаки часто обсуждал политические вопросы. Встречались они регулярно, вначале на квартире Усиба, а потом в ресторане отеля «Момрой». Друзья Одзаки были для него не только важным источником информации. Он выверял на них правильность своих оценок тех или иных событий и только после этой тщательной проверки делал сообщения Рихарду. Если же кто-либо из друзей спрашивал его совета, он, прежде чем дать рекомендацию, просил у них документы для изучения. Естественно, что Рихард вскоре узнавал их содержание.

Зорге очень ценил преданность своего друга, тщательно оберегал его от малейшей опасности. Именно по его совету Одзаки становится членом архиреакционной «Ассоциации помощи трону», одного участия в которой было вполне достаточно, чтобы отвести от себя всякие подозрения.

Но Рихарду приходилось заботиться не только о безопасности своего друга. Отдавая должное большим знаниям и связям Одзаки, Зорге постоянно направлял его работу по нужному руслу, фиксировал внимание на наиболее важных вопросах. Эта систематическая воспитательная деятельность дала блестящие плоды. Чем тверже становились антифашистские и антивоенные взгляды Одзаки, тем значительнее оказывался его вклад в битву за мир, за безопасность первого социалистического государства, которое он называл самым преданным другом Японии.

44

В посольстве Отта не оказалось.

— Он еще не вернулся из министерства иностранных дел,— грустно улыбаясь и глядя на Рихарда преданно-влюбленными глазами, сказала Хильда.

Зорге прошел к военному атташе.

— Как вам нравится эта новая заварушка, которую затевают японцы на Халхин-Голе? — спросил Шолль после того, как они обменялись приветствиями.

— О чем вы говорите, дорогой? — небрежно бросил Зорге.

— Как, даже вы не знаете?— удивился майор.— Полчаса назад мне и генералу Отту сообщили...

45

Дома Рихард развернул на столе карту. Вот она, река Халхин-Гол. Границы СССР и МНР, горный хребет Большого Хингана...

Новости, сообщенные Мияги и Одзаки, а также Шоллем, не были неожиданными для Рихарда. Он еще раньше обратил внимание на то, что японцы начали строительство новой железной дороги, ведущей в этот пустынный, необжитый край, к самой границе Монголии. Они увеличивали пропускную способность и ранее существовавшей дороги Харбин — Хайлар. Зачем? Одновременно с этим Япония отклонила предложение Советского правительства о заключении пакта о ненападении. Почему?

Сюда, на Дальний Восток, докатывалось эхо грозных событий, происходивших в Европе. В марте 1939 года Германия завершила захват Чехословакии. Отныне она стала лишь «протекторатом Богемии и Моравии», «жизненным пространством германского народа». И тотчас же Геббельс начал кампанию в печати и по радио за присоединение к рейху всех территорий, где проживают немцы. В Берлине тиражировали так называемую «лингвистическую карту Европы», на которой в число стран с немецким населением были включены Польша, Венгрия, Литва, Югославия...

Конечно, Советский Союз не оставался безучастным к этим провокационным проискам. И, чтобы отвлечь его внимание, Германия стала натравливать на СССР своего дальневосточного партнера по агрессивному блоку. В японской печати участились нападки на Советский Союз. Теперь, вероятно, решили воспользоваться выгодной ситуацией и генералы.

Но что это означает? Начало войны? Или, как летом прошлого года у озера Хасан, на высотах Заозерной, Безымянной и Пулеметной горке, новая разведка боем прочности наших рубежей и боеспособности Красной Армии?

Как бы там ни было, Москва должна знать: Халхин-Гол!

Одновременно в очередной радиограмме нужно сообщить и другую важную новость, которую Рихард узнал вчера от генерала Отта: Гитлер назначил дату нападения на Польшу — 1 сентября.

46

Рихард озадаченно рассматривал посольский бланк. Его высокопревосходительство генерал, чрезвычайный и полномочный, и пр., и пр., официально приглашал господина доктора Зорге явиться в посольство в такое-то время. Что значит этот жест?..

Эйген Отт был торжествен.

— Господин имперский министр фон Риббентроп утвердил мое представление. С сего дня вы назначены на должность пресс-атташе посольства Германии.

Зорге подтянулся и прищелкнул каблуками:

— Благодарю, герр генерал!

Мысль о том, чтобы сделать Зорге пресс-атташе, возникла у Отта давно: вскоре после того, как он сам весной 1938 года был назначен послом. Впрочем, хотя Отт считал, что эта счастливая и многообещающая идея возникла в его голове, подсказал ее исподволь сам Рихард. Нечего и говорить, что перспектива стать дипломатическим чиновником его вполне устраивала: благодаря официальному служебному положению он получил бы еще больший доступ к самым разнообразным материалам, стекавшимся в посольство, и еще активнее мог бы влиять на деятельность германских представителей в японской столице. Но его беспокоило: как отнесутся в Берлине к идее назначить журналиста, представителя «свободной профессии», на ответственный государственный пост? В бюрократическом гитлеровском аппарате такой случай был бы беспрецедентным. И не вызовет ли это более присталь-

Живое прошлое

Павел РАДИМОВ

В 1922 году писатель В. М. Бахметьев — тогда он был редактором газеты «Труд» — дал мне пропуск для зарисовок в Кремль, в Андреевский зал, где проходил 4-й Конгресс Коминтерна.

В те первые годы революции зал этот имел еще будто церковный вид. Наскоро сбитые плотниками из крепких досок столы, закрытые сукнами ослепительно красного цвета; свет многочисленных электрических лампочек давал сложную цветовую игру. Это привлекло мое внимание, и я немедля сделал этюд — изображение зала масляными красками. Впоследствии, опираясь на эту зарисовку, я писал картину «Конгресс Коминтерна», которую закончил в 1927 году. Встречаясь со многими членами Конгресса, я уговорил некоторых делегатов позировать мне; иногда с ними знакомил меня Бахметьев...

В кулуарах Конгресса в короткие минуты перерыва между заседаниями мне позировали Васил Коларов и Георгий Димитров.

Виднейший болгарский деятель, активный революционер Васил Коларов напоминал ученого-профессора. Он был знатоком литературы и изобразительного искусства, сам успешно занимался живописью. Помню, во время сеанса я рассказал Коларову, что мы, художники-ахровцы, добиваемся организации выставки «Жизнь и быт народов Советского Союза»; художники собирались разъехаться по республикам в творческие командировки. Васил Коларов внимательно отнесся к нашим планам. Он одобрил задумку, сказав, что это — культурное, нужное дело и что оно будет иметь несомненный успех.

Я рассказал Василу Коларову о своем пристрастии к старинной русской архитектуре. Тема эта была близка нам обоим: ведь искусство в Россию шло через Византию и Болгарию,— а меня, конечно, глубоко интересовали и памятники старой болгарской архитектуры. Я тут же с увлечением рассказал Коларову о своем университетском друге Афанасии Матвеевиче Селищеве, ученом-болгароведе; он несколько раз бывал в Болгарии и всегда восхищался красотами болгарской старины.

За разговорами я задержал его. И к счастью! Это помогло мне познакомиться с Георгием Димитровым, другом Коларова,— проходя мимо, он задержался возле нас. А Васил Коларов, с одобрением отозвавшись о нашей работе и нашей беседе, посоветовал Георгию Димитрову тоже позировать мне. Димитров любезно согласился, и я встретился с ним на следующий же день, в перерыве между заседаниями.

Димитров предупредил меня, что у него будет небольшое совещание с друзьями, но позировать согласился. Не стесняясь веселых, жизнерадостных друзей Димитрова, я принялся за свои наброски. Димитров был оживлен, бодр, жизнерадостен, много шутил, но это ничуть не мешало моей работе, а его блестящие реплики вызывали все большее оживление товарищей. И кажется, когда уже кончался мой быстрый сеанс, они спели задушевную болгарскую песню «Шумна Марица»...

Самое трогательное воспоминание осталось у меня о Георгии Димитрове — его темных волосах и глазах, блестящих, как маслины, и о его великом темпераменте.

Моим «натурщиком» на 4-м Конгрессе Коминтерна был и основатель Японской коммунистической партии профессор Сен Катаяма. Одна из наших встреч состоялась в книжном магазине на улице Горького, куда он заходил в поисках нужной ему книги. Там я познакомил Сен Катаяму с моим другом Арием Ланэ — поэтом из Казани. Ланэ увлеченно занимался восточными стихами, и мы втроем побеседовали о форме японских стихотворений «танка»...

В кулуарах 4-го Конгресса Коминтерна 1922 года мне удалось сделать небольшой этюдный портрет Клары Цеткин. Она сидела за столом с группой делегаток, пожилых женщин, а я знал, что Клара — жена художника, значит, она не будет на меня в претензии, если я начну свою работу живописца... Поэтому я выбрал неподалеку тихое местечко и стал писать Клару Цеткин в профиль — степенную, седеющую...

Правда, накануне я видел, как выступала Клара на Конгрессе, и это отнюдь не была та скромная, тихая женщина, с которой я писал свой небольшой этюд. Нет, тогда она казалась разгневанной львицей! Голос ее гремел; жесты были полны гневной страсти...

Зал с восторгом внимал разящим, сокрушительным для врагов речам Клары. И, даже не зная немецкого языка, я был зажжен, взволнован тембром ее голоса, выразительностью и динамикой речи. Казалось, Андреевский зал Кремля раздвинулся и не дождь, а каменные градины ринулись с неба на головы врагов; спасения им не было! Клара убивала их насмерть...

Но все это было вчера, а теперь передо мною спокойно сидела в кожаном кресле красивая седая женщина в черном платье, беседуя с друзьями; ее руки не делали ни одного лишнего движения, и ни разу она не повернула головы в мою сторону, не желая мне мешать.

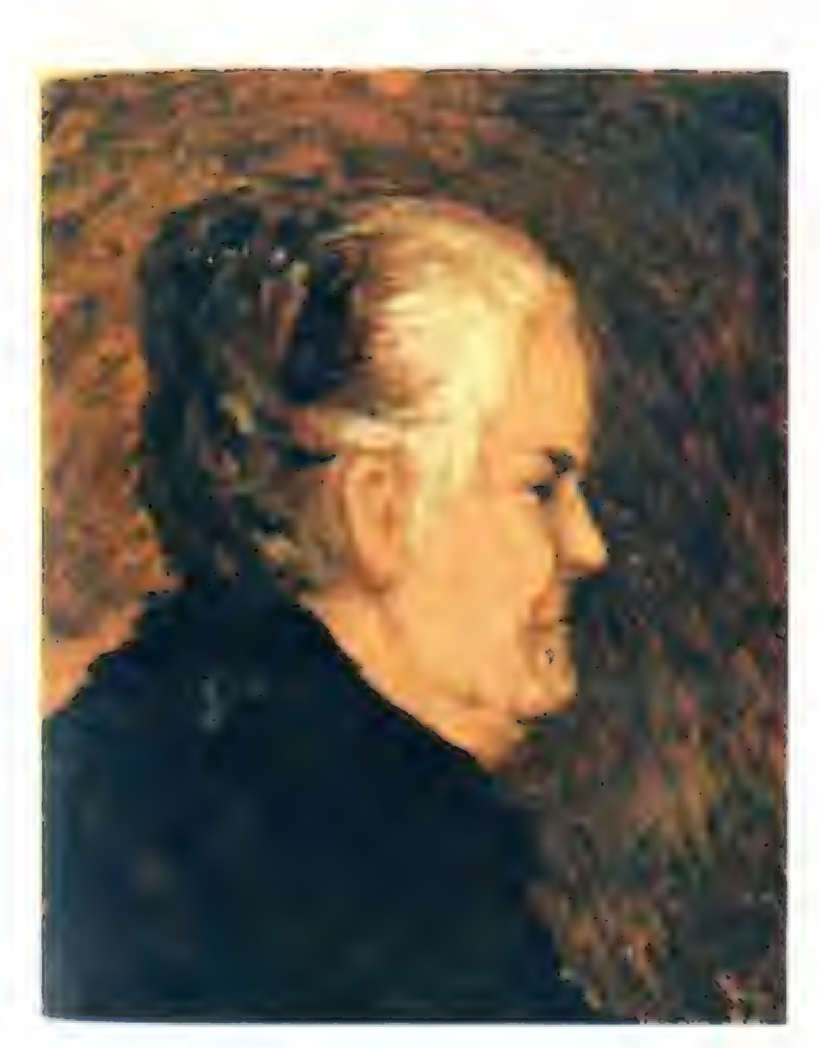
Мне дорого это живое прошлое. Оно всегда со мной.

Васил Коларов.

Сен Катаяма.

Клара Цеткин.

Георгий Димитров.

Вывозка древесины в горных условиях — дело нелегкое. Бульдозер пробивает новый участок дороги.

Вальщик М. Ю. Мекеня работает на Майкопском опытно-показательном лесокомбинате.

Фото А. Гостева.

ного интереса к его особе в контрразведке, гестапо и прочих учреждениях?..

Однако, кажется, все обошлось. Но возникла другая проблема. По существовавшим правилам, дипломаты не имели права заниматься корреспондентской работой, тем более в неофициальных органах печати. Распрощаться с журналистикой? Но это ограничило бы свободу Рихарда. Он уже не мог бы так запросто вращаться в корреспондентском кругу, посещать пресс-центр, встречаться со своими друзьями...

— Благодарю, герр генерал! Но, боюсь, вынужден буду ответить отказом на столь любезное предложение. Душа моя отдана журналистике.

— И слава богу! Дипломату душа ни к чему! — рассмеялся Отт. И тут же понимающе кивнул.— Я уже прозондировал почву. Постараюсь, чтобы для вас сделали исключение: ваша журналистская работа и ваши обширные связи за стенами посольства — превосходный источник информации для нас.

И, наконец, доверительно сказал:

— Теперь, когда ты, Рихард, совсем наш, я посвящу тебя в некоторые особенности новой германской дипломатии...

За эти годы Зорге и сам уяснил эти «особенности»: полное пренебрежение к нормам международного права, вероломство, ложь, шантаж и насилие.

— Фюрер дал нам установку в следующем своем гениальном высказывании...— Отт прикрыл глаза рукой и на память процитировал: — «Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и «кодексе чести»... В политике я не признаю никаких законов. Политика — это такая игра, в которой допустимы все хитрости и правила которой меняются в зависимости от искусства игроков... Умелый посол, когда нужно, не остановится перед подлогом или шулерством».

Он открыл глаза.

— Ну, что ты скажешь?

— Это высказывание в полной мере достойно фюрера,— ответил Зорге.

47

И вот уже название неприметной монгольской реки замелькало на страницах газет всего мира. «Халхин-Гол — провокация или большая война?»

Первое нападение — в середине мая силами двух батальонов пехоты и конницы — отбито.

В конце мая восточнее Халхин-Гола сосредоточено было более двух тысяч штыков и сабель, орудия, бронемашины, самолеты. Советское правительство заявило, что, верное договору, оно будет защищать границы Монгольской Народной Республики, как свои собственные, и отдало приказ о переброске в этот район частей Красной Армии. Понеся тяжелые потери, японцы вновь отошли на территорию Маньчжурии...

Еще только подтягивались к району боев свежие полки, а Рихард уже имел подробные планы «второй волны»: в ней должны были принять участие около сорока тысяч японских солдат, — и даже «третьей волны» — наступления, которое должно было развернуться в августе силами целой армии.

Радиограммы ушли в Центр. Москва запросила детальный доклад. На встречу с «Рамзаем» выехал связной.

48

Генерал рвал и метал. За все время знакомства с Оттом Рихард никогда не видел его таким разъяренным.

Он носился по кабинету, как пойманный в клетку тигр, брызгал слюной и сыпал проклятиями:

— Щенки! Сопляки! Дармоеды, черт их побери! И это на них работает наша промышленность, им прислали мы лучших наших специалистов! Это им поставляем мы самолеты, оружие, снаряды! Безмозглые дураки!..

Он судорожно глотнул воздух, опустился в кресло, помассировал сердце. Зорге налил и подал ему стакан воды.

— Доведут они меня до инфаркта... Скажи, ты мог предвидеть такой крах, Рихард?

Действительно, последнее, решающее наступление японцев в районе Халхин-Гола, их «третья волна», окончилось полной катастрофой. В начале августа главное командование сосредоточило на исходных рубежах 75-тысячную армию, массу техники. Казалось, на этот раз победа гарантирована, тем более, что, по сведениям разведки и реальным расчетам, японской армии должны были противостоять лишь незначительные силы советских и монгольских пехотных и кавалерийских частей.

И вдруг буквально за несколько часов до сигнала к общему наступлению на рассвете 20 августа на передний край обороны японцев, на тылы и артиллерийские позиции обрушилась с неба лавина бомбардировщиков. Потом ударила тяжелая артиллерия. И началась общая атака советско-монгольских войск по всему фронту — хлынула пехота, конница, танки. В тылу высаживались авиадесантные части... Через три дня японская армия оказалась полностью окруженной, а затем пехота при поддержке авиации и танков стала расчленять японскую армию на отдельные группы, словно бы разрезая пирог на куски, и уничтожать ее по частям.

В последней конфиденциальной сводке, полученной Оттом, сообщалось, что 31 августа японцы «оказались вынужденными» полностью очистить территорию Монголии. Большая часть шестой армии генерала Риппо уничтожена.

— Ты можешь это объяснить, Рихард?— снова взревел Отт.— Свою «третью волну» японцы готовили втайне, но это оказался секрет полишинеля. А вот русским удалось одурачить всех нас. Когда они подтянули к Халхин-Голу столько войск? О, черт побери!

— Стоит ли так переживать из-за этих самураев?— пожал плечами Рихард.

— «Стоит ли переживать?» — передразнил Отт.— Э, ничего ты не понимаешь, хоть и слывешь великим специалистом по Японии! Дело гораздо опаснее, чем ты думаешь,— с досадой продолжал он.— Мне наплевать на отправившихся на тот свет самураев и даже на наши сбитые самолеты. Я опасаюсь другого: как бы разгром на Халхин-Голе не заставил их в будущем отказаться от большой войны против Советов.

— За одного битого двух небитых дают,— усмехнулся Рихард. И подумал: «Отт абсолютно прав. Теперь, прежде чем вновь сунуться, они еще сто раз подумают».

Генерал отхлебнул воды, поморщился и неожиданно улыбнулся.

— Хоть за Халхин-Гол нам не ожидать крестов, но единственное утешение — добрые вести из фатерлянда. Помнишь, я тебе говорил, что фюрер отдаст приказ начать войну с Польшей 1 сентября? Наш великий вождь пунктуален перед историей. Вот!

Он протянул Зорге бланк телеграммы с грифом: «Особо секретно. Господину послу. Только для личного ознакомления».

Из текста телеграммы следовало, что в ночь на 31 августа группа эсэсовцев, переодевшись в форму солдат польской армии, совершила нападение на радиостанцию в немецком городе Гляйвице, расположенном у самой границы с Польшей. Это нападение использовано фюрером как повод для объявления войны. И 1 сентября, в 4 часа 45 минут утра, вооруженные силы рейха перешли польскую границу.

— Какое сегодня число и который сейчас час?— многозначительно спросил Отт.

— Что за шутки, Эйген?— Рихард посмотрел на часы.— Сегодня 1 сентября, 23 часа 17 минут.

— Значит, у нас полдень...— Генерал сделал паузу.— Следовательно, уже семь часов тридцать две минуты, как началась большая война!

Господин генерал любил точность и был

ЧТОБ ШУМЕЛИ ЛЕСА

Горные леса Адыгеи тянутся от Майкопа до самого Черного моря. На сотнях тысяч гектаров растут дуб, бук, граб, пихта, сосна, клен, береза.

О лесозаготовителях Григория Шамрая говорят в области, в крае, в стране. Зовут их шамраевцами. По фамилии бригадира, коммуниста, «Почетного мастера леса и сплава РСФСР». В прошлом году бросили клич северяне: заготавливать бригадой в месяц по тысяче кубометров древесины. «На равнине можно,— сомневались некоторые,— а в горах это—шапкозакидательство». А Григорий со своими ребятами подумал, прикинул, и однажды плановики подсчитали да ахнули: шамраевцы-то вышли в тысячники! Григорий с бригадой тогда решили: выполнять недельный план за пять дней.

...Бук достигает возраста, когда его можно рубить, только через 100—120 лет. Практически тот, кто свалил дерево, никогда больше не придет за древесиной на эту лесосеку. Но после нас потопа не будет, люди думают о будущих поколениях. Мне не приходилось встречать людей, так фанатично влюбленных в свою профессию, как лесовосстановители.

Главный лесничий Майкопского лесокомбината, заслуженный лесовод РСФСР Валентин Георгиевич Одинокое со своими помощниками сажает в горах не только выращенные в питомниках саженцы дуба и бука, но и грецкий орех, съедобный каштан. Уже в нынешнем году лесники снимут первый урожай орехов и станут ловить рыбу. Да, рыбу. Что ж, пустовать горным прудам? Туда запустили мальков карпа и сазана.

Работать восстановителям леса стало легче. Все заботы по подготовке почвы, посадкам и уходу за молодыми дубравами они переложили на стальные плечи машин. В Гузерипльском леспромхозе, в поселке Хамышки, есть лесопитомник. На семи гектарах выращиваются тут деревца. А занимается этим всего один тракторист. В минувшем году здесь вырубили 350 гектаров леса, а посадили 430.

О будущих лесах думают не только практики, но и ученые Северо-Кавказской лесной опытной станции. Мне хочется рассказать об одном из них — кандидате сельскохозяйственных наук Михаиле Петровиче Мальцеве. Много лет он занимается восстановлением бука, который еще несколько десятков лет назад по недоразумению считали зряшным деревом. Теперь буковая древесина в большом почете. Но бук имеет одну неприятную особенность: выруби его полностью — сам снова не вырастет. Искусственным же его разведением не занимались. Студентов лесных институтов до сих пор предупреждают, что человек исправить эту оплошность природы не может. А зря: человек может ее исправить. Это доказал Мальцев. Не только теоретически. В питомниках Адыгеи, Кабардино-Балкарии он получил из семян саженцы. Затем их перенесли на северные горные склоны, и молодые деревья живут и здравствуют вот уже шестой год.

Х. БАЛАДЖИЯН

превосходно осведомлен. Но даже он не мог в тот день знать, что 1 сентября 1939 года началась вторая мировая война...

49

В январе 1940 года «Рамзай» писал в Центр:

«Дорогой мой товарищ. Получили Ваше указание остаться еще на год; как бы мы ни стремились домой, мы выполним его полностью и будем продолжать здесь свою тяжелую работу. С благодарностью принимаю ваши приветы и пожелания в отношении отдыха. Однако если я пойду в отпуск, это сразу сократит информацию».

50

В мае Рихард радирует:

«Само собой разумеется, что в связи с современным военным положением мы отодвигаем свои сроки возвращения домой. Еще раз заверяем вас, что сейчас не время ставить вопрос об этом».

51

«Поздравляю с великой нашей годовщиной Октябрьской революции, желаю всем нашим людям самых больших успехов в великом деле.

Рамзай. 7 ноября 1940 г.».

52

Положение, которое Рихард занимал в немецкой колонии, не только раскрывало перед ним широкие возможности, но и налагало на него массу обременительных обязанностей. Без него не обходился ни один мало-мальски важный прием в германском посольстве или немецком клубе. И уж, конечно, он был непременным участником «Вечеров берлинцев».

Эти вечера устраивались в помещении посольства раз или два в год для «поднятия патриотического духа». Обычно они приурочивались к приезду какого-нибудь крупного эмиссара Гитлера или важного чиновника из министерства иностранных дел. Вот и теперь, отправляясь на очередной «Вечер берлинцев», Рихард знал: среди гостей будет находиться один крупный офицер генштаба, «специалист» по России. Накануне Отт сказал, что этот офицер ехал в Токио через территорию Советского Союза и «хорошо смотрел по сторонам».

К назначенному часу в большом посольском зале для торжественных приемов собралась почти вся немецкая колония. В центре зала на массивном столе из голых досок возвышался огромный дымящийся котел. У котла, одетый в белый накрахмаленный халат и высокий поварской колпак, стоял улыбающийся Рихард и продавал традиционные баварские сосиски. Один за другим к нему подходили гости. Многие из присутствующих были увешаны орденами и знаками отличия за безупречную службу. Пиво и шнапс быстро подняли общее настроение. Образовались оживленные группы. Где-то по углам уже затягивали песни.

Когда публика наконец насытилась и начались танцы, Рихард сбросил с себя белоснежное одеяние и сделал вид, что хочет принять участие в общем веселье. Он пригласил первую попавшуюся даму — ею оказалась Хильда, секретарь Отта,— и закружился в вальсе. Одетая в черное бархатное платье, раскрасневшаяся и возбужденная, Хильда была на верху блаженства. Но ноги Рихарда двигались почти автоматически. Его внимание было занято совершенно другим. В общем хаосе и неразберихе нужно было поскорее отыскать приехавшего генштабиста. Рихард вальсировал круг за кругом, внимательно обводя взглядом присутствующих. В дальнем конце зала, положив ноги на бархат стоявшего напротив кресла, блаженно храпел военно-морской атташе Веннекер. Китель его был расстегнут. Поросшая рыжими волосами грудь мерно вздымалась и опускалась. Несколько молодых людей тянули посольских стенографисток поближе к выходу. Но приезжего офицера нигде не было. Куда-то запропастился и Отт.

Музыка кончилась. Рихард раскланялся с партнершей и хотел отправиться на поиски Отта, когда его окликнул майор Шолль.

— Неужели вам не надоел весь этот бедлам, Зорге?— спросил майор с обычной своей бесцеремонностью.— Кстати, вы для чего-то нужны его превосходительству. Вот вам благовидный предлог, чтобы смыться.

Рихард вопросительно поднял бровь.

— Вы, кажется, хватили лишнего, Шолль. У меня нет ни малейшего желания покидать эту волнующую встречу лучших представителей нашей великой нации.

Шолль оторопело отшатнулся от Рихарда и скрылся в толпе. Рихард еще раз оглядел зал. Человека, которого он искал глазами, по-прежнему не было. «Значит, он у Отта»,— решил Рихард и пошел к послу. В полутемном коридоре он не заметил, как вслед за ним метнулась чья-то темная тень.

— А вот и доктор Зорге! Знакомьтесь! Поджарый немец с тонким профилем и длинными, как плети, руками вскочил со стула, щелкнул каблуками.

— Полковник Шильдкнехт — офицер для особо важных поручений!

— Рихард Зорге, корреспондент «Франкфуртер цайтунг»!

— Скажите, дорогой Рихард, нет ли у вас каких-нибудь срочных дел в России? — снова заговорил Отт, когда новые знакомые обменялись приветствиями.

— Мне кажется, что господин посол прекрасно осведомлен о всех заботах своих подчиненных,— ответил Рихард, скрывая свое недоумение.

— Я хотел бы надеяться на это,— самодовольно улыбнулся Отт.— Но вот господин полковник настоятельно рекомендует мне освободить вас от всего на свете и отправить в гости к русским. Он считает, что такой бесценный наблюдатель, как вы, мог бы с большой пользой провести там несколько недель и собрать интересующий вермахт материал. Как вам нравится такое предложение?

— Россия — загадочная страна, а загадки всегда будоражат воображение,— ответил Рихард.— Но боюсь, что ведомство господина полковника серьезно заблуждается, останавливая свой выбор на мне. Моя стихия — Восток. К тому же я совершенно не готов к выполнению особых поручений.

— Я ценю вашу скромность, доктор Зорге,— вмешался в разговор Шильдкнехт,— но вы явно преувеличиваете трудности. Все гораздо проще. Вот вам пример. Стоило мне один раз проехаться по Транссибирской магистрали, и я получил полное представление о ее пропускной способности. Разъезды, стрелки, станционные сооружения — для опытного глаза это настоящий клад. Теперь мы знаем об этой артерии русских абсолютно все.

— Поздравляю вас, господин полковник. Надеюсь, что рыцарский крест вам обеспечен,— сказал Рихард.— Беда только в том, что я не создан для такой работы. Будь я на вашем месте, я наверняка проспал бы половину разъездов, не говоря уже о стрелках. Ведь ничто так не убаюкивает, как стук колес.

Отт громко рассмеялся. Ему понравилась шутка Рихарда.

— Я уже говорил вам, полковник, доктор Зорге слишком нужен здесь, в Токио, чтобы посольство могло согласиться отпустить его на продолжительное время. А уж если вам так хочется воспользоваться его услугами, то я не буду возражать, если он проинформирует вас обо всем, что касается здешних дел. Смею вас заверить, господин полковник, что вы получите самые точные и исчерпывающие сведения.

Полковник Шильдкнехт, казалось, только того и ждал. Один за другим посыпались вопросы. Рихард обстоятельно отвечал на них, придавая своим ответам самый что ни на есть правдоподобный вид. За долгие годы работы в Токио он уже привык к такого рода доверительным беседам. Знал он и другое: в Берлине внимательнее всего прислушивались к таким сообщениям, которые там больше всего хотели услышать. Чаще всего такая информация серьезно расходилась с истиной, но об этом никто не догадывался. Зорге хорошо знал, что́ именно хотели услышать в Берлине, и поэтому многие представители германской разведки, действовавшие в Токио, считали его незаменимым человеком.

«Услугами» Зорге пользовались сразу четыре немецких разведки. Их главари, конечно, и не подозревали, что их блестящий информатор действовал при этом с полного ведения и согласия своего Центра.

Постоянное соперничество и подозрительность, царившие среди приближенных к Гитлеру нацистских главарей, привели к тому, что многие из них старались иметь свою шпионскую агентуру как внутри Германии, так и за ее пределами. Министр иностранных дел Германии фон Риббентроп создает собственную разведку. Для этого он превращает в осведомителей почти весь персонал министерства иностранных дел. Из Токио от Отта приходит такая информация, которая подчас вызывает неподдельный восторг Риббентропа. Иногда Отт называет источник своей осведомленности: «Заслуживающий полного доверия доктор Зорге». Опираясь на информацию Рихарда, фон Риббентроп поражает фюрера своей прекрасной осведомленностью в дальневосточных делах.

Но сбором внешнеполитической информации занимаются по меньшей мере еще три ведомства. Отыскивая надежные источники информации в Токио, агенты натыкаются все на того же «надежного человека» — Рихарда Зорге.

К Зорге приходят в конце концов и сотрудники гиммлеровского шпионского центра — представители гестапо. Гестаповским гнездом в Токио руководит полковник Мейзингер. Он занимает в посольстве официальный пост — атташе полиции. Мейзингер — матерый нацистский волк, снискавший даже в среде своих единомышленников дурную славу палача и человеконенавистника. Когда кончится вторая мировая война, этот зверь в человечьем обличье будет казнен по приговору суда народов за свои чудовищные преступления в Варшаве, где, перед тем как его послали в Токио, он лично убивал ни в чем не повинных детей и женщин. Мейзингер из кожи лезет вон, чтобы оказаться на дружеской ноге с влиятельным корреспондентом «Франкфуртер цайтунг».

Вполне естественно, что информация, поступавшая по всем этим каналам в Германию, никак не способствовала укреплению дружеских уз между Токио и Берлином.

«Надежный человек» Рихард Зорге не только путал карты фашистских стратегов. Каждый контакт с представителями военной, дипломатической, партийной или гестаповской разведки он использовал для того, чтобы получить от них важнейшие данные о планах нацистов.

Он не изменил себе и на этот раз. Подробно ответив на все вопросы, интересовавшие полковника Шильдкнехта, он незаметно для собеседника взимал с него «дань» за свои «услуги». Полковник был профессиональным разведчиком и не отличался чрезмерной словоохотливостью. Он говорил скупо, стараясь придать особый вес каждой своей фразе. И лишь в конце их беседы сообщил весть, от которой у Рихарда все похолодело:

— В Берлине заканчивается разработка детального плана нападения на Россию.

Рихард призвал на помощь все свое самообладание.

— Так, значит, вы уговаривали господина посла отправить меня к русским в каске и с ранцем за плечами? — как можно непринужденнее спросил Рихард.

— О нет! — Полковник отхлебнул из рюмки глоток коньяка.— В вашем распоряжении был бы вполне достаточный срок, чтобы застать там еще мирное время. Пока что у нас есть дела в Европе. А воевать на два фронта фюрер решительно не намерен. Подобные эксперименты слишком дорого обходились нам в прошлом.

«Вечер берлинцев» все еще продолжался. Но Рихарду не хотелось возвращаться в зал. Он был слишком взволнован: война стоит у порога его дома.

Рихард ускорил шаги. Немедленно разыскать Клаузена: быть может, он все еще там, в зале. Но в зале Клаузена не оказалось. Пройти в сад, поискать его там. Рихард слышит, как его окликают сразу несколько голосов. Подвыпившие сотрудники посольства требуют, чтобы он обязательно чокнулся с ними в честь «народного единения». Все подходят к стойке, поднимают бокалы.

Наконец Рихард в саду. На листок блокнота ложится текст шифровки.

— Дорогой Рихард, неужели вы не можете забыть о работе даже в такой вечер?

Чей это голос? Рихард поднял глаза: Хильда!

— Я охочусь за вами целый вечер. Но вы просто неуловимы. То уединяетесь с шефом, теперь вдруг решили заняться писаниной... Прошу вас, господин Зорге, уделите несколько минут женщине, которая, может быть, за всю жизнь...

Она оборвала свою пышную тираду и с тоской посмотрела на Рихарда.

«И эта напилась»,— подумал он, но сказал:

— С удовольствием, дорогая Хильда. Хотя, кажется, будет лучше, если мы поговорим в другой раз.

С Хильдой творилось что-то неладное. Такой он ее еще никогда не видел: глаза округлились, лицо побледнело. Губы ее были крепко сжаты. Она покачала головой.

— Что с вами?— спросил Рихард. Хильда молчала.— Что произошло? — Рихард взял ее за руку.

Хильда разжала губы:

— Только не презирайте меня, Рихард. Я, наверное, сошла с ума... Это ужасно, но у меня больше нет сил. Я не могу молчать...

«Этого еще не хватало!» — подумал Рихард.

Словно прочтя его мысли, она отпрянула, выпрямилась и, глядя прямо ему в глаза, твердо произнесла:

— Я люблю вас. И это ужасно. И я готова понести любое наказание за свою слабость.

— За что же вас наказывать? — искренне удивился Рихард.— Разве вы в чем-то провинились?

— Да! Я виновата. Перед фюрером, перед национал-социалистской партией, перед великой Германией. Я плохая немка.— В ее голосе звучал металл.— Я не оправдала доверия. Все мои чувства и помыслы должны принадлежать только фюреру и делу, которому я служу. Я не должна думать ни о чем другом. Я нарушила свою клятву!

— Перестаньте, Хильда! — остановил ее Рихард.— Зачем это самоистязание?

— Нет, ради бога! — запротестовала она.— Вы должны выслушать меня до конца. Вы должны знать, как низко я пала.

— Будем считать, что вы мне ничего не говорили,— мягко сказал Рихард и повернулся, чтобы уйти.

Хильда схватила его за рукав.

— Я понимаю, что заслужила ваше презрение. Я не должна была признаваться вам. Но я не выдержала. Я слабая женщина. Но у меня хватит сил выслушать ваш приговор. Говорите же!

— По-моему, лучше всего вам немедленно отправиться домой и хорошо выспаться,— попытался улыбнуться Рихард.

— Я не нуждаюсь в вашем снисхождении,— сверкнула глазами Хильда.— Я знаю, что виновата, и готова платить.

«Жалкая фанатичка, разве можно придумать более страшную казнь, чем та, на которую обрекли тебя твои «духовные наставники»?—Рихард окинул ее негодующим взглядом.

— Немедленно идите домой, Хильда,— холодно сказал он. Потом добавил: — Что ж, я обещаю придумать для вас достойное наказание.

Окончание следует.

ВСЕГДА РЯДОМ

В. Н. Ремесло (слева), М. А. Посмитный и А. Г. Бузницкий.
Фото Я. Давидзона.

Их часто видят вдвоем. Оба почти одного возраста. Оба прошли по трудным дорогам войны от Волги до Берлина. У одного в кармане гимнастерки хранился пшеничный колос. Другой во внутреннем кармане шинели берег крохотный мешочек таких же янтарных зерен. Оба любят землю, и обоих любит земля — бескрайние приднепровские нивы. И в Кремлевском Дворце они сидели рядом — делегаты XXII съезда партии, селекционер Василий Николаевич Ремесло и председатель колхоза Александр Григорьевич Бузницкий.

Дружат и коллективы, которые они возглавляют: колхозники артели имени Жданова, Киевской области,— частые гости на Мироновской селекционно-опытной станции. Пшеницы, выведенные лауреатом Ленинской премии В. Н. Ремесло и его сотрудниками, не гости, а хозяева на полях колхоза, который возглавляет Герой Социалистического Труда А. Г. Бузницкий.

Но не только друзья и соседи из разных областей Украины, да и других республик,—приезжают в Мироновку, ученые, председатели колхозов, агрономы, механизаторы. Сотрудники станции показывают им делянки, на которых испытываются новые сорта пшеницы. Дальше идут участки побольше. И, наконец, перед глазами гостей открываются необозримые пшеничные массивы.

— В чем же все-таки секрет? — спрашивают приезжие.

Василий Николаевич Ремесло отвечает:

— А в том, дорогие товарищи, что вы сейчас находитесь уже не на опытных участках нашей станции, а на полях колхоза имени Жданова. Секрет в том, что вы не увидели границу, отделяющую испытательные участки от колхозных полей.

Да, именно отсюда, с колхозного поля, шагнули на миллионы гектаров богатырские мироновские пшеницы. И когда В. Н. Ремесло вручали Ленинскую премию, он среди соавторов могучих пшениц первыми назвал колхозников артели имени Жданова и их вожака А. Г. Бузницкого.

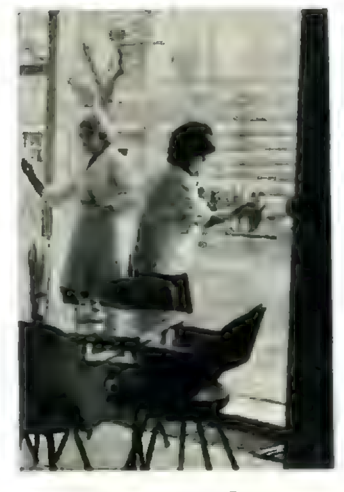
М. ВИНОКУРОВ

ЗНАМЕНИТОСТЕЙ НЕ ПРИГЛАШАЛИ

На одном из совещаний в Москве министр торговли РСФСР Павлов сказал, что лучшие рестораны в Российской Федерации — это в Выборге, один в Свердловске и семь в городе Орле. Речь шла о внутренней отделке, о современных интерьерах. Откровенно говоря, для многих это была приятная неожиданность.

Для тех, кто может усомниться в достижениях орловских рестораторов, я хочу сослаться на авторитет одного парижанина. Владелец 25 ресторанов в Париже и Ницце ехал на машине в Крым со своей семьей. Остановился пообедать в ресторане, который так и называется «Орел». Турист спешил к морю. Но после обеда все планы изменились, он провел в Орле три дня. Гулял по городу, осматривал рестораны. Гостю рассказали, что отделкой их занимаются художник А. М. Курнаков и его товарищи. А светильники подбирает, располагает свет Н. П. Егоров. Гость заглядывал в каждый уголок, ему нравилось все: и мебель, и шторы, и тональность стен. Кто красил? Есть у нас маляр А. Барадай, ответили гостю. Парижанину объяснили, что все работы по реконструкции ресторанов проведены за два последних года специальной группой СМУ управления торговли и художниками Орловского отделения Художественного фонда РСФСР. Французу все это было непонятно: как это — никаких знаменитостей не приглашали, не платили за имя. Но факт есть факт. Парижский ресторатор предлагал шеф-повару ресторана «Орел» А. В. Абрамову подписать контракт на работу в его лучшем ресторане.

Р. ЛИХАЧ.

Новое кафе в Орле.
Фото автора.

Ошибка летописца

По летописным данным, на территории Новоспасского монастыря-крепости, основанного в Москве в 1462 году и бывшего в то время деревянным, зодчие построили одно каменное сооружение.

Это известное по легендам сооружение, ровесник Грановитой палаты в Кремле, было позже, как гласит летопись, «разобрано до подошвы».

Сейчас в монастыре ведутся крупные реставрационные работы. Исследуя стены современного Спасо-Преображенского собора, архитектор-реставратор Н. Н. Свешников под слоем настенной штукатурки обнаружил полностью сохранившиеся белокаменные капители, изображенные на снимке.

Оказалось, что эти детали принадлежат древнейшей в истории русской архитектуры шестистолпной галерее исчезнувшего сооружения.

Место находки примыкает к итальянскому дворику монастыря, названного так благодаря предполагаемому участию в строительстве итальянских зодчих, приехавших в Москву на рубеже XV—XVI веков.

Более двадцати лет тому назад архитектор П. Д. Барановский предположил, что на этом месте должна быть колоннада, обнаруженная сейчас.

Предположения оправдались, летописные данные оказались не совсем точными. Итальянский дворик, привлекающий сейчас внимание специалистов, очищен от вековых наслоений грунта. Помогали в этой археологической работе учащиеся расположенной поблизости школы № 496 Пролетарского района столицы.

А. МИХАЛКОВ

Архитектор Н. Н. Свешников у белокаменной капители XV века.
Фото автора.

ОДИН ХАРАКТЕР НА ВСЕХ

Лев ФИЛАТОВ

Торжественно справив столетний юбилей, футбол переживает вторую молодость. Мы узнаем о нем все больше и больше, и, как всегда бывает в таких случаях, добытые сведения тянут за собой новые, позволяют догадываться, сколько еще можно и необходимо выяснить, испробовать, уточнить, открыть. Сейчас те выводы, к которым приходят, изучая табличку текущего чемпионата, хранящуюся в боковом кармане пиджака (обычно ими и удовлетворяется большинство болельщиков), считаются элементарными, недостаточно достоверными.

Приведены в движение большие цифры: статистика за многие сезоны. И вот обнаружено, например, что на 80 угловых ударов приходится один гол, что центральный нападающий распоряжается мячом 111 секунд, крайний — 101, полузащитник — 86, крайний защитник — 73, стоппер — 29, что матч фактически длится не полтора часа, а 60—65 минут, если иметь в виду чистое время. Физические и медицинские наблюдения помогли узнать, что скорость полета мяча при сильном ударе равна 85 км/час, что футболисты расходуют за игру около 1500 калорий и теряют в весе от полутора до пяти килограммов...

Разумеется, все открытия такого рода делаются не ради простой любознательности, не для того, чтобы публиковать их под рубрикой «А знаете ли вы, что...». Новые знания позволяют игрокам и тренерам более сознательно и серьезно рассматривать и саму игру и подготовку к ней.

Нынешней весной наши команды мастеров пошли на смелый эксперимент, чуть ли не вдвое увеличив часы занятий, их объем и нагрузки. Таким образом, мы с вами в этом сезоне, кроме всех прочих болельщицких забот, станем еще наблюдать, что же принесло с собой изменение методики тренировок. Я уж не говорю о том, какой исследовательский зуд обуял всех тренеров, восьмой год вдоль и поперек изучающих систему четырех защитников, старающихся внести в нее что-то свое, оригинальное. О тактических изысканиях теперь любой болельщик наслышан и начитан достаточно. К слову сказать, мне кажется, что идеальная система игры со временем выразится формулой «одиннадцать в обороне и десять в атаке». Разумеется, я имею в виду не возвращение к далекому прошлому, когда за мячом бегали толпой, а полную гармонию в игре, когда у каждого футболиста, независимо от его номера, будут свои наступательные и защитные обязанности и он сможет одинаково непринужденно участвовать в любом маневре.

Если на наших глазах сошли со сцены еще недавно такие популярные действующие лица, как инсайды, если замахнулись ограничить, а то и вовсе отменить самое главное и трудное правило — «вне игры», то вполне вероятно, что при таких темпах исследований и реформ внуки нынешних футболистов получат право называть шестидесятые годы дедовскими временами в футболе. Признаться, чуточку грустно думать об этом. Но утешимся тем, что именно в наше время люди поняли, как много непознанного в этой старой игре, и взялись разбирать ее по косточкам во всеоружии знаний физиологии, медицины, статистики, физики. И кто знает, какие еще дисциплины будут со временем поставлены на службу футболу?

Не ахти каким надо быть фантастом, чтобы предположить возможность изготовления автоматов, которые, будучи запрограммированы для исполнения обязанностей форвардов и вратарей, когда-нибудь проведут между собой матч. Но как раз эта угроза футболу не страшна, поскольку мужчины, я уверен, никогда не допустят, чтобы у них отняли удовольствие погонять мяч. И тем более это невозможно, что мы любим футбол именно за то, что он предлагает нашему вниманию не только динамику, приемы и расчеты, а и борьбу характеров. Эта игра легко находит общий язык с человеком, никогда в жизни не касавшимся мяча.

Должен сразу предупредить, что многое из того, о чем пойдет речь, не больше чем предположение или догадка. Лиха беда — начало. Итак, дерзнем вторгнуться в ту сферу футбола, которую принято называть психологической и которая пока в тени. Я говорю «пока», будучи совершенно уверен, что со временем эту сферу примутся изучать столь же настойчиво, как сейчас физическую или тактическую готовность.

Был упомянут характер. Можно ли говорить о характере целой команды? Убежден: в футболе — можно.

Бывают матчи, когда забываешь о технических деталях и чувствуешь, что движения игроков и мяча выражают прежде всего движение человеческих чувств. Я напомню о нескольких таких встречах.

Летом 1961 года вместе со сборной я ездил в Норвегию на отборочный матч к VII чемпионату мира. Игра была не из трудных (3:0), и уже вечером, за ужином, футболисты вернулись к своим внутренним, клубным делам. Через три дня в Лужниках должны были встретиться «Торпедо» и «Спартак». Торпедовцы носили звание чемпионов и не без основания рассчитывали его сохранить. А «Спартак» играл тогда далеко не блестяще.

Когда я спросил у торпедовцев, как они относятся к предстоящему матчу, ответом мне были иронические улыбки. Кто-то из них припомнил недавнюю товарищескую встречу со «Спартаком» (2:2) и объяснил, что счет мог быть «штук на пять-шесть, да жалко было обижать «спартачей»...

Тот же вопрос я задал и спартаковцам. Они ответили, что ждут не дождутся матча с «Торпедо», что их не интересуют очки, но проверить нового чемпиона очень хочется.

И грянул матч, которому суждено было надолго остаться в памяти очевидцев. Торпедовцы играли, как всегда, легко, изящно и остро, забили три гола — казалось бы, вполне достаточно для выигрыша. Но спартаковцы в тот день были неудержимы, атаковали с необыкновенной страстностью, и все у них получалось. Они ответили четырьмя голами и победили. Эта удача вдохновила «Спартака»: как бы взяв разгон, он выиграл подряд еще несколько трудных матчей, в том числе второй у «Торпедо» (3 : 2), и неожиданно оказался с бронзовыми медалями.

Интересное событие я наблюдал в следующем сезоне в Киеве. Местные динамовцы в поездке растеряли много очков и вернулись домой уже без всякой надежды повторить прошлогодний успех, когда они стали чемпионами. И вот перед ними московское «Динамо», лидер, в тот день наиболее вероятный претендент на победу в чемпионате. Два очка уже не могли выручить киевлян. Но им, как видно, захотелось доказать и своим зрителям и самим себе, что с прошлогодним чемпионом шутки плохи. Для них было кстати, что на пути оказался именно лидер, вознамерившийся занять их место. Москвичи играли пусть важную, но все же рядовую игру, из которой старались извлечь максимум пользы. Но столкнулись с противником, все действия которого от начала до конца были пронизаны неотступным желанием взять верх. Этого столкновения с уязвленным самолюбием, вдохнувшим в киевлян никакой теорией не предусмотренные сверхсилы, москвичи выдержать не сумели и проиграли 0 : 1. Разочарование выбило из седла московское «Динамо». Тут же последовал проигрыш «Шахтеру», что открыло дорогу к золотым медалям «Спартаку».

В таблице чемпионата прошлого года есть клеточка с цифрами — 3:2. Так закончился матч ростовского СКА и московского «Динамо». Оба противника не числились в лидерах, честолюбивых замыслов не имели, и легко было предположить, что ничего примечательного на поле не случится. Ростовчане, как потом, выяснилось, на свою беду, удивительно просто забили подряд два мяча. И вот тут динамовцы вспылили. «Да что же это такое, опять проигрывать, да еще так бесславно? Нет уж, дудки...» Примерно так выглядел крутой поворот в настроении москвичей. Для них вдруг стало делом чести отыграться в этом матче. Они бросились вперед, нашли свою игру, на глазах сделались сильнее, быстрее и искуснее. Искра игрового энтузиазма, высеченная досадой, зажгла пламя неотступного штурма. Этот матч оказался единственным в сезоне, когда команда, пропустив два мяча, сумела победить.

Заметьте, во всех трех случаях победа осталась на стороне команд, в то время объективно стоявших ниже, чем их противники. И не чем иным, как проявлением характера, коллективного, командного, одного на всех одиннадцать игроков, нельзя объяснить те события, о которых мы вспомнили. Но матчи — это, конечно, лишь эпизоды.

Если внимательно наблюдать за командами в течение многих лет, можно открыть в их облике вполне определенные, постоянные черты, которые далеко не исчерпываются перечнем мест, занятых в разных чемпионатах и разностью забитых и пропущенных мячей.

Возьмем московское «Динамо» и «Спартак». Их послужной список выглядит так.

«Динамо» — десятикратный чемпион, 8 раз — второй призер и 2 — третий. Дважды хранитель Кубка.

«Спартак» — восьмикратный чемпион, 4 раза — второй призер и 6 — третий. Семикратный хранитель Кубка.

Что из этого следует? Из 26 чемпионатов «Динамо» лишь в шести, а «Спартак» — в восьми оставались за чертой призеров. Вдвоем они забрали 38 призовых мест из 78, без малого половину всех трофеев. Динамовцы сильнее выступали в чемпионатах, а спартаковцы — в розыгрыше Кубка. Так, значит, просто сказать, что эти команды — лидеры нашего футбола, что их заслуги одинаково значительны? Но почему же тогда так часто можно услышать: «Динамо» есть «Динамо», и «Спартак» — это «Спартак»? Нет, не зря это говорится.

Два человека. Один, безусловно, одаренный, но несколько неуравновешенный. То он потеряет время попусту, то наверстает, да так удачно, что оказывается лучшим. Сегодня дела у него блестящи, а завтра срыв. Или наоборот. И не знаешь, чего от него ждать.

Другой не менее способный. Отчетливо знает цель, которую

перед собой поставил. Умеет распоряжаться временем. Упрям, невозмутим, расчетлив. Не позволяет себе ни чудачеств, ни расслаблений. Осуществляет свои намерения деловито, не слишком доверяя вдохновению.

Так вот, на мой взгляд, первого зовут «Спартак», второго — «Динамо». Понимаю, что с этими характеристиками согласится не каждый. Да я особенно и не настаиваю. Мне лишь хочется привлечь внимание к самой возможности таких характеристик.

И все же некоторые доказательства готов привести. Уже говорилось, как «Спартак» в 1961 году, вдохновленный победой над «Торпедо», выиграл подряд около десятка матчей, опроверг пессимистические прогнозы и всем на удивление стал призером. На следующий год та же история. Опять «Спартак» весной не внушает доверия, а осенью вдруг мчит без остановок и приходит первым. Но в 1963 году команда наказана. Слишком много потеряно в начале пути. Знаменитый спартаковский рывок хоть и осуществлен (семнадцать матчей без поражений), но до финиша сил не хватает и чуду не суждено повториться.

Кто же в тот год наказал «Спартака»? Конечно, «Динамо». И вполне убедительно. Размеренный шаг динамовцев оказался чемпионской походкой. Они неотвратимо шли к цели с апреля по ноябрь. Что называется, без выходных. Позволю себе привести несколько цифр. В данном случае они выразительны.

Вот динамовские итоги: 21 победа, 13 ничьих, из них 12 по 0 : 0, 4 поражения. Разность мячей 47 — 14. Очков — 56.

А это спартаковские: 22 победы, 8 ничьих, лишь две по 0 : 0, 8 поражений, разность 65 — 33. Очков — 52.

Сравните: и голов и побед у «Спартака» больше. И нулевые ничьи его не устраивали. А в очках недобор. Ну как тут не вспомнить крыловскую басню о стрекозе и муравье! Что ни говорите, а я верю в характер команд. (Для людей, привыкших оценивать футбол по-деловому, практически, я делаю необходимую оговорку, что, конечно, характер может проявиться лишь в том случае, если команда достаточно сильна и подготовлена.)

У московских торпедовцев нрав легкий, задорный, они любят изящную и чистую игру, получают от нее удовольствие, тяжеловесный, скучный противник действует им на нервы.

Киевские динамовцы считают себя предназначенными для атаки и чувствуют себя не в своей тарелке всякий раз, когда у них перехватывают инициативу. Они самолюбивы, нетерпеливы, порой капризны и неровны.

Великолепному, своеобразному ансамблю тбилисцев всегда чуть-чуть не хватало веры в свои силы. Сколько раз они выходили в лидеры, и затем следовал необъяснимый провал! Скорее всего это происходило оттого, что тбилисцам казалось, что им все равно не суждено добраться ни до золотых медалей, ни до Кубка, что над ними тяготеет некий злой рок. Наконец прошлой осенью они изведали сладость большой победы. Очень интересно, как она отразится на их облике, на их привычках!

Идут годы, приходят и уходят игроки, сменяются поколения. Годы побед чередуются с годами невзгод, видоизменяется игровой рисунок, команды осваивают иную систему, а что-то знакомое сохраняется. Это характер. Он живет, передается от старших младшим. Каждый вновь пришедший в команду игрок, если он в ней остается надолго, хочет он того или нет, воспринимает черты этого клуба.

Пять раз на протяжении шести сезонов (1946—1951 годы) была чемпионом команда ЦСКА. В ней была заложена огромная мощь, и мы легко различали свойственные ей черты: энергию, оптимизм, непреклонность. Затем эту высококлассную команду несправедливо расформировали, и два сезона ее не существовало. Когда в 1954 году команда вернулась в класс «А», она была уже не та. Пришли новые игроки, а нити старых традиций клуба были надорваны. Уже в одиннадцати чемпионатах участвуют армейцы и лишь в трех были бронзовыми призерами. Наверняка, не будь того злосчастного перерыва, турнирная судьба этой команды выглядела бы иначе. Дорого ей обошлось нарушение естественной преемственности, потеря традиционного характера.

Было бы наивно полагать, что психологический облик команд не изменяется. Напротив, и сам коллектив и тренер в силах вносить в него коррективы. Однажды я спросил у известного специалиста футбола, что он думает о такой-то команде. Он ответил так: «Вы знакомы с ее тренером? Ну так вот, его слабохарактерность видна и в игре команды...»

Донецкий «Шахтер» в последние годы обнаружил завидную стойкость, упрямство и крепкие нервы, что сразу же позволило ему наладить приятельские отношения с Кубком, повторить в 1961—1963 годах старый рекорд «Спартака», три сезона подряд пробиваясь в финал. Эти свои достоинства «Шахтер» проявляет и в чемпионате; в прошлом году он имел лучший результат против призеров (никакой робости перед авторитетами!) и всегда выигрывал, если первым забивал гол (целеустремленность!)

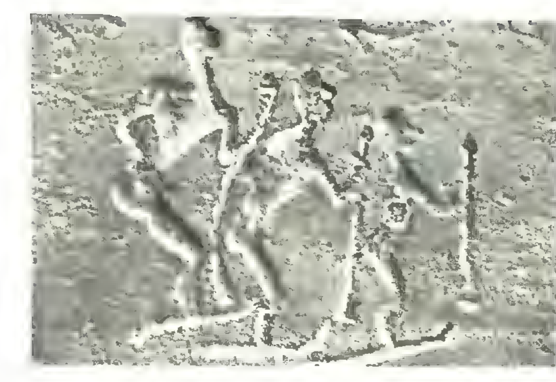
Неспроста говорят о кубковом характере некоторых команд. Розыгрыш Кубка — это всегда опровержение общепринятых логичных соображений, сплошные неожиданности, озорство. Ему чужда расчетливость: ведь любая оплошность непоправима; он романтичен: его движут алые паруса надежды. Думаю, что «Спартаку», в характере которого заложена взрывчатка, Кубок вполне по душе. Ведь, кроме того, что спартаковцы чаще всех были хранителями хрусталя, они почти всегда с особенным вдохновением за него сражались: трижды уступали уже в финале и восемь раз выбывали из борьбы лишь после переигровки или дополнительного времени.

Мы любим футбол за красоту и осмысленность движений игроков и мяча. За ловкость приемов и остроту ситуаций. За полет мяча, ищущего свою цель — ворота. За вечную загадку, скрытую в любом матче. Но затрагиваются наши чувства не на шутку лишь тогда, когда мы различаем в игре мужество, волю, вдохновение, нежелание сдаваться до последней секунды. Потому стадион и поощряет громогласно тех, кто дерзает. И молчит, насупившись, если в игре нет огня. И свистит, если видит безволие и инертность...

Уже гуляют по южным полям легкие, гулкие мячи. Чемпионат двинулся в путь. Мы в предвкушении сезона, который всегда интересен тем, что он нов. Я даже не говорю о том, что он особо ответствен своей серией из шести отборочных игр чемпионата мира. Теперь каждый год у нашего футбола серьезнейшие испытания, это уже становится обязательной нормой. Иначе и нельзя, поскольку и в футболе мы боремся за высокий международный стандарт.

Сезон обещает прибавить нам знаний о футболе. Будем узнавать! Наблюдения за психологической сферой борьбы — одни из наиболее интересных.

БИОГРАФИЯ СПОРТА

Некоторые памятники искусства, дошедшие до нас нз глубины веков, рассказывают о происхождении лыж, футбола, хоккея на траве.

Так, в карельских местностях Залавруга и Бесовы Следки советские археологи обнаружили в 20—30-х годах замечательные наскальные рисунки. Отиосятся они к III—II тысячелетиям до новой эры и в большом числе представляют лыжников, которые совершают прогулки, охотятся на оленей или отбивают нападения иноплеменников. На коротких снегоходах и с одной палкой, не мешавшей стрелять из лука,— вот какими изобразили самых первых зимних бегашей древние художники.

Что касается футбола, то родителями его обычно считают англичан. Нынешнее название игры (в переводе «ножной мяч») впервые появилось именно в английском языке — в специальном указе от 1349 года. Правивший тогда Эдуард III противился «беспорядочному и азартному тому увлечению», которое якобы отвлекало молодежь от «государственных стрельб» из арбалета и тем самым подрывало военную мощь Британии. Но вот перед намн красивая ваза, найденная при раскопках Ольвии (близ теперешнего днепровского села Парутино) и относящаяся к IV столетию до новой эры. Подписью к этой вазе можно было бы поставить слова из популярной спортивной песни: «Эй, вратарь, готовься к бою!».

В самом деле, у древних греков существовала любопытная игра под назваиием гарпанон. Между двумя командами ее участников проводили по полю черту и ставили на нее мяч, а затем противники стремились любым способом провести мяч за другую черту, позади расположения каждой команды.

От греков эту игру переняли римляне и назвали ее гарпастом. Гарпаст был весьма эффективным средством физической закалки, поэтому им особенно увлекались в армии.

От римских легионов игру с мячом заимствовали, в свою очередь, другие народы. Известно, например, что население английского города Дерби устраивало в III веке такие же игры в честь военной победы над римлянами. Эти состязания происходили за добрую тысячу лет до упомянутого «повеления» короля Эдуарда...

Наконец, два слова о травяном хоккее, который выразительно запечатлен на древнегреческом рельефе, обиаруженном археологами в Афинах. История не сохранила нам биографии этой игры, но известно, что ею увлекалнсь ирландцы во II веке новой эры. Отсюда можно предположить, что пути развития хоккея были такими же, как и у футбола.

Вл. БРАБИЧ,
Г. ПЛЕТНЕВА,
научные сотрудники Эрмитажа

Ох, уж эти мне дети!

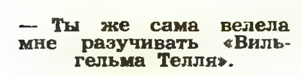
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

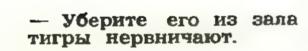

— Он не успокаивался до тех пор, пока ему не включили вторую программу.

— Уж сюда этот сластена не заберется...

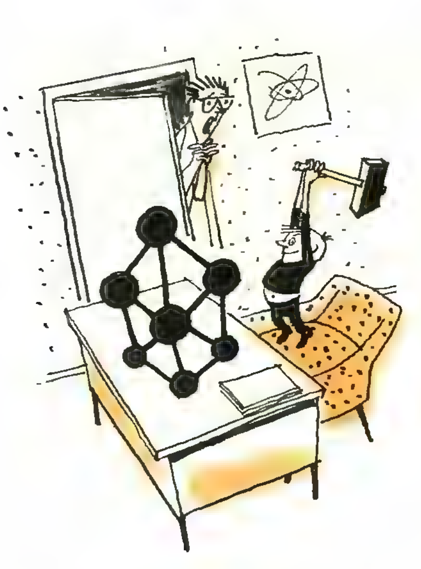

— Ты же сама велела мне разучивать «Вильгельма Телля».

— Уберите его из зала тигры нервничают.

Расщепление атома.

Куда запропастился этот сорванец?

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

КЕРАМИЧЕСКАЯ ЮРТА

На фотографии вы видите юрту кочевника-животновода. Здесь налицо все характерные признаки: дверной проем, веревки, опоясывающие юрту три раза, а наверху даже имеется отверстие для выхода дыма.

Но только это не настоящая юрта, а всего лишь ее модель, изготовленная из обожженной глины неизвестным мастером. Диаметр ее днища — восемнадцать сантиметров, высота — четырнадцать сантиметров. Нашел ее недавно экскаваторщик Петр Левичев при земляных работах на городище древнего Тараза (на месте которого стоит современный город Джамбул) в слоях IX—X веков нашей эры. На внутренних стенках юрты заметны следы копоти.

Каково же бытовое назначение этого предмета? Мнения ученых расходятся. Одни считают его культовым атрибутом, в котором жители средневекового города, недавние кочевники, поддерживали огонь древнего очага. Другие же полагают, что это обыкновенный фонарь-футляр для чирага-светильника.

А. ПОПОВ

Фото Т. Елемиасова.

Джамбул.

ПОДВОДНОЕ ЖИЛИЩЕ

Имя известного исследователя морских глубин Жака-Ива Кусто знают многие. Сейчас он готовит новый очередной эксперимент. Во Франции строится подводное жилище, представляющее собой шар диаметром в шесть метров. Весной этого года кабина будет спущена в море вблизи Канн на глубину 110 метров, и шесть членов экипажа капитана Кусто проведут в ней две недели.

КИТ НА МЕЛИ

Этого кита выбросило на мель в заливе Ботани (Австралия). Животное весом в пять тонн еще дышало, когда его фотографировали. За последние 25 лет в этом заливе не было случая, чтобы море дарило людям такую добычу.

ГУЛЛИВЕР В СТРАНЕ ЛИЛИПУТОВ?

Такое предположение может возникнуть при взгляде на первую фотографию.

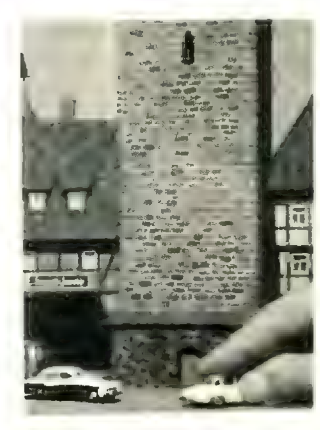
Нет, это не иллюстрация к книге Свифта, а макет части города. Побывав в Германской Демократической Республике, я увидел там много чудесных средневековых улочек, застроенных старыми домами с островерхими крышами, с потемневшей от времени черепицей.

Взглянешь на них — и будто очутишься в мире сказок братьев Гримм. Вот бы унести их с собой, взять на память. Но это невозможно! Тогда нельзя ли построить миниатюрный макет? После многих попыток это удалось.

Стены домиков я сделал из фанеры, оклеив ее снаружи цветными пластмассами.

Главная трудность — окна, оконные переплеты. Я выпиливал их маленькими напильниками (надфилями) из белых целлулоидных чертежных угольников, а на стекла пошла отмытая фотопленка.

В первых этажах домиков — витрины магазинов со всевозможными товарами. На улицах — автомашины, автобусы, фигурки пешеходов. Все это почти в девяносто раз меньше, чем на самом деле.

И. РОДИОНОВ

Фото автора.

Ленинград.

ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЯ

Мы воспроизводим снимок, на котором запечатлено пять поколений одной семьи, живущей на острове Корфу. Прапрабабушке, что слева, 104 года, прабабушке — 85 лет, бабушке — 58 лет, правнучке, держащей на коленях грудного сына, исполнилось 40 лет.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если срок Вашей подписки на «Огонек» истекает в июне, не забудьте заблаговременно возобновить подписку на 2-е полугодие 1965 года.

Подписка принимается общественными распространителями печати по месту работы, а также в отделениях связи и агентствах «Союзпечати».

Издательство «ПРАВДА»

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК»!

Во втором полугодии 1965 года в библиотеке «Огонек» будут опубликованы 26 книжек лучших рассказов, очерков и стихов советских и зарубежных писателей: Льва Кассиля, Фрэнка Харди, Юрия Власова, Ольги Фокиной, Генриха Беля, Расула Гамзатова и других.

Стоимость подписки:

На полгода — 1 руб. 50 коп.

На 3 месяца — 75 копеек.

КАК ВАМ ЭТО НРАВИТСЯ?

В поисках оригинальных причесок косметические кабинеты на Западе проявляют незаурядную фантазию. В этом можно убедиться, взглянув хотя бы на женскую головку, изображающую не то копну, не то корневище.

Не удивительно, что один из журналов, помещая снимок девочки, на голове у которой сидит гусь, снабжает его такой подписью: «Как только дамы высшего общества увидят наш снимок, они подумают, что это либо новейшая прическа, либо модель шляпки, и побегут в парикмахерскую или к модистке».

ФОКСТЕРЬЕР НА ДЕРЕВЕ

В Одессе около вокзала я увидел дерево, у которого один сучок напоминает голову фокстерьера. Я сфотографировал это дерево.

Г. Бритнев

Одесса.

СИРОТА ЗООПАРКА

Недавно в зоопарке города Манилы родился у ослицы от папаши зебры очаро-

вательный детеныш. Однако оба родителя отказались от такого невиданного потомка. Лолита, как назвали метиску, стала общей любимицей служащих зоопарка. Они бережно ухаживают за ней и кормят молоком из бутылки с соской.

ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ

Взглянув на этот снимок, трудно предположить, что изображено на нем. Утка, а может, собака неведомой еще породы? Но в действительности это картофель. Приобрел его А. К. Очеретлов на рынке города Грозного.

П. Минаев

Фото В. Крючкова.

Грозный.

БЕГЛЕЦ ГОЛЬДИ

Целую неделю Лондон находился под впечатлением очередной сенсации. Из зоопарка улетел орел Гольди. То он показывался в Гайд-парке и в парке Риджент, то на Пикадилли и в Хэмпстэде. И везде останавливалось движение, люди спешили посмотреть на орла. Для газет это стало темой номер один. Ведные фоторепортеры гонялись по всему Лондону за улетевшим на свободу царем птиц. Репортеры сочиняли небылицы одна абсурднее другой, такого, например, толка: Гольди поссорился с орлицей и решил ее бросить. Своего высшего накала сенсация достигла, когда Гольди залетел в сад посольства США и начал там охотиться на американских уток. В этом усмотрели нечто символическое... Пришлось мобилизовать части военно-морских сил Великобритании!

В конце концов Гольди все же удалось поймать. Он стал жертвой кролика, подброшенного ему в виде приманки. Как только Гольди, голодный, спустился с дерева, чтобы пообедать, на него набросили сеть.

ИМ НЕ СТРАШНЫ СКОРПИОНЫ

Небольшая египетская деревушка Абу Раваш, неподалеку от Каира, широко известна ученым-токсикологам. Объясняется это тем, что у ее жителей столь же редкая, сколь и опасная профессия: они ловят скорпионов и змей.

Мохамед Абу Аам, старейший житель села, объяснил, почему его земляки занимаются таким промыслом. Полвека назад английский зоолог Чарльз Фоулер предложил отцу Мохамеда помогать ему в ловле ядовитых насекомых и змей. Работа хорошо оплачивалась, и отец дал согласие. Затем он привлек к делу также Мохамеда и его брата.

Теперь охота на скорпионов и змей стала основным источником существования для жителей Абу Раваша. Свою добычу они сдают главным образом научным учреждениям, в том числе университетам Каира и Александрии. Занимается население села также дрессировкой ловчих птиц — соколов и орлов.

Ученые и врачи обратили внимание на то, что все население деревни нечувствительно к укусам скорпионов и змей. Однако попытки найти этому объяснение пока что результатов не дали. По деревне ползает множество ядовитых змей, но еще не зарегистрировано ни одного смертельного случая от их укуса.

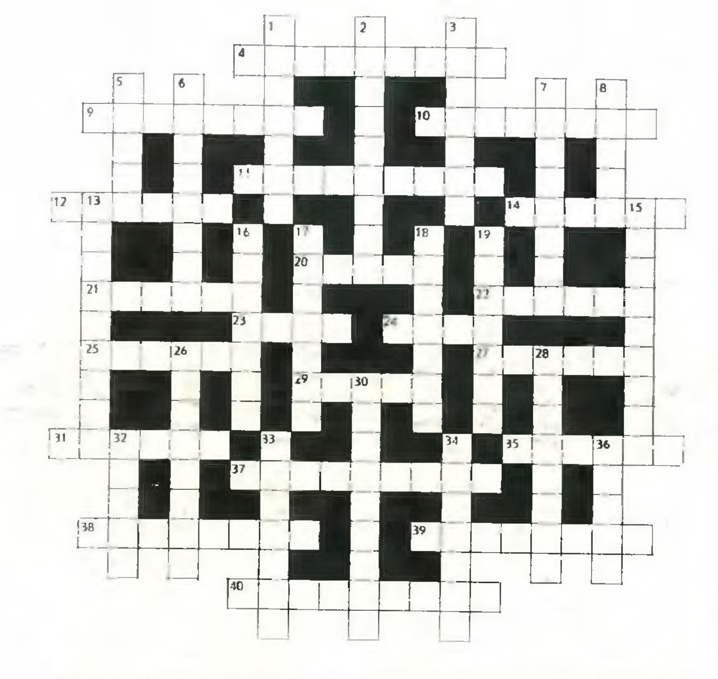

РЕЛИКВИИ НА МАРКАХ

На пяти художественных миниатюрах воспроизведены сокровища Государственной Оружейной палаты: шлем, саадак (чехол для лука), шапка Мономаха, ковш, братина.

Напечатаны марки офсетным способом. Автор серии — художник И. Коминарец.

М. Милькин

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Актер, народный артист СССР. 9. Ткань, используемая для книжных переплетов. 10. Остров у побережья Австралии. 11. Стартовая площадка межпланетных кораблей. 12. Оттиск с гравюры. 14. Басня И. А. Крылова. 20. Охотник-профессионал. 21. Герой французского эпоса. 22. Цветные крученые нитки для вышивания. 23. Форма многоголосной музыки. 24. Река, впадающая в Каспийское море. 25. Советский физиолог. 27. Позднейшая эпоха каменного века. 29. Роман И. С. Тургенева. 31. Медицинское учреждение. 35. Весы. 37. Искусственное орошение. 38. Часть сценического оформления спектакля. 39. Открытие художественной выставки. 40. Старинное народное название залива, бухты.

По вертикали:

1. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 2. Знак препинания. 3. Соцветие кукурузы. 5. Единица разности электрических потенциалов. 6. Гончарное дело. 7. Забор, изгородь. 8. Разветвление речного русла. 13. Копия типографского набора. 15. Пьеса Л. Леонова. 16. Небольшой напильник. 17. Сумчатое млекопитающее. 18. Область в Италии. 19. Спортивный коллектив. 26. Город в Донбассе. 28. Часть фотоаппарата. 30. Графическое изображение соотношения величин. 32. Промысловая рыба. 33. Тип изделия, товара. 34. Советский пианист. 36. Газ, простейший углеводород.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Маханади. 8. Петляков. 9. Котангенс. 10. Теннис. 12. Артист. 14. Остап. 17. Остужев. 18. Куколка. 19. Полимер. 21. Углерод. 25. Лиман. 26. Регата. 28. Колено. 29. Телевизор. 30. «Фаталист». 31. Ресторан.

По вертикали:

1. Феникс. 2. Кулиса. 3. Матансас. 4. Пикассо. 5. Эпиграф. 6. «Поединок». 11. Иммунитет. 13. «Риголетто». 15. Ветер. 16. Бунго. 20. Оригинал. 22. Оффенбах. 23. Бизерта. 24. Палитра. 27. Ателье. 28. Кратер.

На первой странице обложки: Памятник В. И. Ленину в Ульяновске.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Дом-музей В. И. Ленина в Горках.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01971. Подписано к печати 14/IV 1965 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Заказ № 872. Тираж 2 000 000. Изд. № 579.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Идет концерт...

Солдатс

Порыв, краски, страсть — танцы ансамбля.

Что-то вспомнилось старому солдату.

кая песня

Михаил КВАРЦЕВ
Фото Г. Макарова.

Наверное, музыковедам любопытно было бы взглянуть на партитуры «Русалки» и «Смерти Ивана Грозного» — двух опер, написанных шесть десятилетий назад безвестным учителем музыки в Твери. И не только оперы сочинял этот двадцатилетний большеголовый парень, приехавший в город из рязанской деревушки. Были у него целые симфонии и философская музыкальная поэма «Смерть и жизнь». Сам Николай Андреевич Римский-Корсаков правил когда-то первые нотные страницы Саши Александрова.

Прошли годы. Были они светлыми и трудными, полными великих надежд и тяжких одолений.

В Москве, на площади Коммуны, в одной из комнат Дома Красной Армии рано утром собрались восемь певцов с баянистом. Оглядев свое музыкальное воинство, коренастый хормейстер начал репетицию. Взметнулись пригревшиеся на солнце голуби, когда из распахнутого окна рванула бравая солдатская песня, с присвистом, лихая. Что пели? То, что слышали, побывав на Кубани, — песни героической 22-й Краснодарской дивизии, которую водил в гражданскую Михаил Васильевич Фрунзе.

Прошли еще годы. Очарованные парижане не отпускают со сцены певцов, аплодируют, настойчиво требуют повторения каждого номера концертной программы. Выходит перед голосистым строем солдат седеющий музыкант, благодарит парижан за радушие. Вот и пришла европейская слава и признание. Но это, конечно, не самое главное, хотя и приятно. Родная огромная страна признала, приняла красноармейский ансамбль, полюбила — теперь уж, видно, навсегда — его искусство, его пляски и песни, берущие за душу, взяла к себе в спутники на славной и многотрудной своей дороге.

И правда, не было такого события, краткого ли, мирного, когда бы не слышали мы знакомый, могучий голос великолепного солдатского хора. Он тревожился вместе с нами, гневался, звал еще к одному подвигу, еще к одному...

Пусть ярость благородная
вскипает, как волна...

Он торжествовал вместе с нами каждый шаг победный, и звучала русская «Калинка» на фронтовых аэродромах и на батареях, жарких от не остывшего еще шквального огня.

Скоро у нас большой праздник. Мы будем праздновать двадцатилетие великой победы. Мы все готовимся к этому дню. Готовится старый наш друг — Краснознаменный заслуженный ансамбль песни и пляски Советской Армии имени Александра Васильевича Александрова.

Мы побывали в Доме Советской Армии на площади Коммуны. Нас встретила еще издали рвущаяся в раскрытые по-весеннему окна лихая солдатская песня, новая, которую мы еще не слышали.

В кабинете художественного руководителя ансамбля, шумном оттого, что поминутно входили и выходили музыканты с неотложными делами и заботами, мы увидели небольшой, в простой раме портрет человека в генеральской форме.

С нами разговаривал его сын, известный композитор, седой полковник Борис Александрович Александров. У него теперь дирижерская палочка отца.

Много новых, хороших песен готовит ансамбль к светлому юбилею победы. Лучшие композиторы и поэты страны принесли сюда плоды своих творческих исканий, вдохновленных майскими днями незабываемого 1945-го. Надо ли называть все то новое, что сегодня репетирует ансамбль в залах Дома Советской Армии? Вы все это услышите сами. Услышите во время большого праздничного концерта в столичном зале имени П. И. Чайковского, во Дворце съездов Московского Кремля, по радио и по телевидению.

Нам посчастливилось кое-что послушать раньше. Можно смело предполагать, что в наше немалое песенное богатство надолго войдут новые песни Василия Соловьева-Седого, Бориса Мокроусова, Анатолия Новикова, Вано Мурадели, которые звучат в репетиционных залах.

— Конечно, не будут забыты и старые песни, — говорит Борис Александрович, — «Священная война», «Вечер на рейде», «Соловьи», «Землянка»... Думаю, что за это люди не будут на нас в претензии.

Не будут. Поблагодарят. Разве можно быть в обиде на то, что старый, добрый друг напомнит вам дни и годы боли, утрат и радости, великих ратных свершений? Тот, кто постарше, станет от этого моложе, подумает с гордостью заслуженной и законной: «Да, мы это помним!»

Молодые голоса поют сегодня в ансамбле. Много их появилось. Пришли молодые танцоры в танцевальную группу.

Когда мы уходили из Дома Советской Армии, нас провожала все та же лихая, с присвистом солдатская песня, и голуби взлетали на солнечной дорожке сада, и прохожие весело оглядывались на распахнутые настежь окна.

Дирижерская палочка отца теперь в руках его сына, Бориса Александровича.

Индекс 70663

Цена номера 30 ко